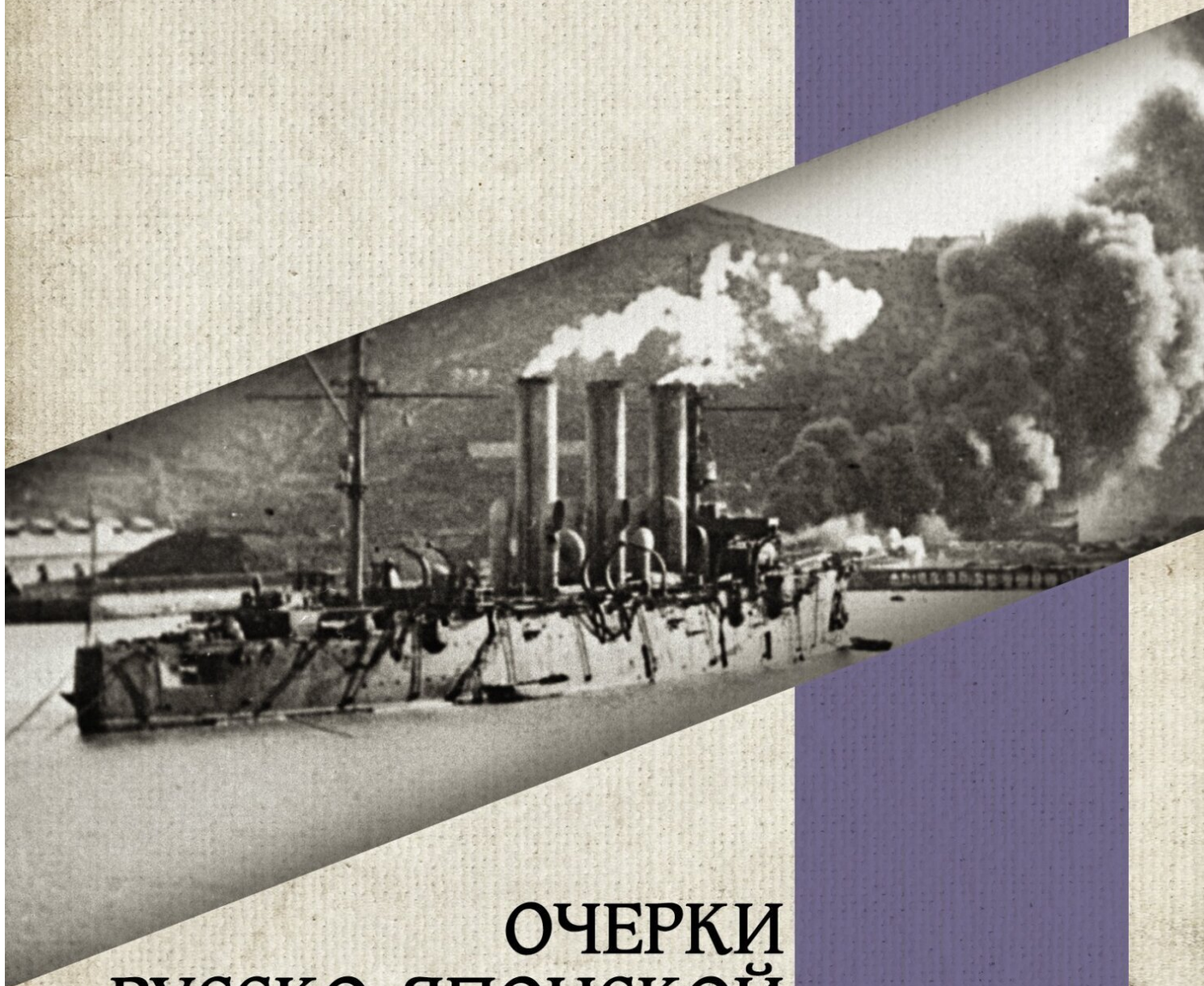

Петр

ВРАНГЕЛЬ

ОЧЕРКИ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ
ВОЙНЫ
1904 г.

ЗАПИСКИ
Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.

вся история
в одном томе

Вся история в одном томе

Петр Врангель

**Очерки Русско-японской
войны, 1904 г. Записки:
Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.**

«Издательство АСТ»

1920–1923

УДК 94(47)"1904/20"
ББК 63.3(2)6

Врангель П. Н.

Очерки Русско-японской войны, 1904 г. Записки: Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. / П. Н. Врангель — «Издательство АСТ», 1920–1923 — (Вся история в одном томе)

ISBN 978-5-6048684-7-8

Петр Николаевич Врангель — великий русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн, генерал-лейтенант, один из главных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны. Современники называли его «черный барон» и «последний рыцарь Российской империи». Петр Врангель по праву считается легендарным военачальником: даже осознавая неблагоприятное развитие событий для него и его армии, он не перешел на сторону противника и сделал все для спасения людей, которые были верны ему. В книгу вошли мемуары Петра Врангеля: «Очерки Русско-японской войны. 1904 г.» и «Записки. Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.», в которых рассказывается о революции и Гражданской войне. Эти тексты расскажут о жизни уникальной сильной личности — «черного барона» — и драматических событиях истории России — исхода Русской армии за рубеж. Также в издание включены приложения: Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России о земле (приложение к главе III книге второй «Записок»), Послужной список Главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта барона Врангеля (составлен 29 декабря 1921 года), Список членов Правительства Юга России, Приказ генерала П.Н. Врангеля № 1, Последний приказ генерала П.Н. Врангеля № 86, переписка и письменные свидетельства по поводу издания «Записок» и изречения П.Н. Врангеля. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)"1904/20"

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-6048684-7-8

© Врангель П. Н., 1920–1923
© Издательство АСТ, 1920–1923

Содержание

Очерки Русско-японской войны. 1904 г.	7
В передовом летучем отряде генерала Ренненкампа	7
В тылу у японцев во время боя при Шахэ	32
Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г	49
Книга первая	49
Глава I. Смута и развал армии	49
Накануне переворота	49
На Румынском фронте	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Петр Николаевич Врангель
Очерки Русско-японской войны. 1904 г.
Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

Очерки Русско-японской войны. 1904 г.

В передовом летучем отряде генерала Ренненкампа

В настоящих очерках я не имею в виду дать подробное описание действий передового отряда генерала Ренненкампа и входить в оценку этих действий. Я просто желал бы в ряде эскизов набросать нашу повседневную жизнь в этот период кампании, период крайне интересный, полный разнообразных сильных ощущений, постоянных тревог, опасностей и лишений. Славное имя генерала Ренненкампа, приобретенная им еще в китайскую кампанию популярность как лихого кавалерийского начальника, знакомство его, еще в прошлую кампанию, с театром наших будущих военных действий – все это, вместе взятое, заставляло большинство кавалерийских офицеров, мечтавших попасть в действующую армию, стремиться во 2-ю Забайкальскую казачью дивизию, которая поручалась генералу Ренненкампу. Эта дивизия формировалась из льготных казаков второй очереди, из которых многие еще недавно прошли китайскую кампанию в той же местности, где приходилось действовать и нам, знали местные условия, обычаи и характер местного китайского населения, а некоторые из казаков – и китайский язык.

В отношении офицерского состава дивизия комплектовалась отчасти офицерами первоочередных забайкальских казачьих полков, главным же образом – офицерами-добровольцами из драгунских и гвардейских кавалерийских полков. Наши опасения недружелюбного отношения местных офицеров-казаков к нам как пришлому элементу вскоре совершенно разъяснились, и, несмотря на разнообразный офицерский состав, во все время кампании между нами существовали самые лучшие, товарищеские отношения. Эти хорошие, дружеские отношения много облегчали тяжелые минуты нашей жизни, значительно скрашивали наши невзгоды и лишения.

Материалом для составления настоящих очерков служили мне главным образом мои письма, форму которых я отчасти сохранил в этих записках как передающую, по моему мнению, наиболее живо и последовательно пережитые нами впечатления.

Я ограничился периодом действий нашего передового отряда до того момента, когда генерал Ренненкампф был ранен и сдал командование. С этой минуты наш отряд теряет ту стремительную подвижность, ту энергичную деятельность, ту активность, которая так досаждала, так изводила неприятеля, и хотя вплоть до того момента, как к нам придают пехоту, мы и действуем еще некоторое время самостоятельно как передовой летучий кавалерийский отряд, но вся наша деятельность сводится к пассивному наблюдению за неприятелем. Нет больше огромных, тяжелых переходов, лихих набегов, рекогносцировок, стычек и тревог, жизнь наша протекает на заставах и наблюдательных постах вяло, скучно и однообразно...

Затем наступает период больших боев, где сталкиваются уже не сотни, не тысячи, а десятки и сотни тысяч человеческих жизней, где цена отдельной жизни, перед ужасом всего совершающегося, почти теряет значение, где личные, мелкие интересы блекнут перед грозной мощью мировых событий. К этому периоду наш летучий передовой отряд перестает существовать как самостоятельная кавалерийская единица, и 2-я Забайкальская казачья дивизия входит в состав вверенного генералу Ренненкампу отряда из трех родов оружия.

I

2 апреля наш эшелон – 5-я сотня 2-го Аргунского казачьего полка – подходил к городу Лаояну. После формирования полка в городе Нерчинске мы походным порядком, колоннами по две сотни, были направлены на станцию Маньчжурия, куда последняя колонна – наша, 5-я, и 6-я сотни – и прибыла 26 марта после четырнадцатидневного похода.

Шли переходами от 25 до 70 верст (на пути были две дневки) при прекрасной теплой погоде, большей частью холмистой, степной местностью, мало населенной казаками и иногородцами-бурятами, ведущими кочевой образ жизни и занимающимися исключительно коневодством. На пути нам попадались их войлочные кибитки с бродящими поблизости верблюдами и большими, по 100–150 голов, табунами коней.

Монгольские кони хотя и мелкорослые, большей частью не выше 1 аршина 12–13 вершков, но в высшей степени крепкие, выносливые и прекрасных форм. Между ними встречаются превосходные иноходцы, которые особенно бурятами ценятся. Бурят-табунщик сидит на лучшей лошади табуна, так называемой укрючной, от которой требуется особая резвость и ловкость, и по указанию покупателя арканом ловит выбранную из табуна лошадь. Офицерами нашего полка были приобретены несколько монгольских коней от 75 до 150 руб. за голову.

На станции Маньчжурия мы встретили Светлый праздник, и на третий день началась посадка полка и отправка эшелонами по 1¹/₂ сотни по железной дороге. Приятно было чувствовать, как с каждым поворотом колеса быстро приближаешься к Лаояну, сердцу действующей армии, в которую мы все так стремились с самого объявления войны. . . Кроме офицеров нашей сотни с нами ехала жена одного из них, г-жа К., недавно вышедшая замуж и решившаяся не покидать мужа до последней возможности. Одета в казачий костюм, эта энергичная женщина совершила верхом на казачьем седле весь поход от Нерчинска до станции Маньчжурия и теперь следовала с нашим эшелоном. Она любезно взяла на себя роль заведующей офицерским столом, и в занимаемом ею купе оказалась масса вкусных вещей, которым мы оказывали должную честь.

По мере приближения к бассейну р. Ляохэ местность становилась богаче и типичнее. По обе стороны пути тянулась равнина, обработанная с поразительной тщательностью, с той тщательностью, на которую способен лишь китаец и которая невольно поражает нас, русских. Ввиду раннего времени года зелень лишь местами пробивалась, и свежие пятна ее особенно резко выделялись на сером фоне вспаханной земли. Мелькали китайские деревни с крытыми гаолянном или черепицей фанзами, окруженными глинобитными заборами, священные тутовые рожицы, кумирни с причудливыми коньками на гребнях крыш. . . Масса лысух, нисколько не боясь приближающегося поезда, плавала на многочисленных озерах, заросших по краям камышом. Изредка бросались в глаза одиноко стоящие там и сям среди полей массивные китайские гробы (китайцы не имеют обыкновения хоронить покойников), иные еще новые, цельные, другие уже почерневшие, развалившиеся, с виднеющимися внутри истлевшими костями. . . Эта картина смерти среди веселой, весенней природы особенно резала непривычный глаз. . . По тянущейся параллельно железнодорожному полотну дороге видно было оживленное движение: шли пешие китайцы в синих штанах и таких же куртках, в соломенных конусовидных шляпах; изредка проезжали мелкой рысью запряженные парой мулов цугом двухколесные разукрашенные кибитки с выглядывающими оттуда размалеванными лицами «бабушек» с затейливыми прическами и массой блестящих шпилек в волосах; иногда обгоняли мы тяжелые двухколесные арбы, запряженные коренастыми, низкорослыми, большей частью белыми «манзюками» и красивыми рослыми мулами, понукаемыми шелканьем бича и криками «и-и» погонщиков-манз, грязных, босых, загорелых, бронзовые тела которых просвечивали через

многочисленные дыры синих полотняных рубах. В окрестностях Лаояна по обе стороны пути тянулись целые вереницы таких арб, большею частью конвоируемых воинскими чинами, – это доставлялся фураж и пищевые продукты в обширные склады интендантского ведомства. Запасы для складов подвозились и по реке Ляохэ, сплошь покрытой массой китайских джонок и шаланд... Чем ближе подъезжали мы к Лаояну, тем сильнее бился пульс действующей армии!

На платформе железнодорожной станции шумная, разношерстная толпа: офицеры разных родов оружия, сестры милосердия, корреспонденты иностранных газет, китайцы... Здесь центр лаоянской жизни, здесь сообщаются последние сведения из передовых частей, сведения большею частью преувеличенные или извращенные. В буфете шум, гам, дым и звон посуды, яблоку негде упасть... У подъезда вокзала вереница китайских рикш, здесь и вестовые с верховыми лошадьми приехавших на вокзал офицеров. В версте от станции на запасном пути видны поезда командующего и Великого князя Бориса Владимировича. Вблизи станции железной дороги расположен так называемый железнодорожный городок, ряд служебных построек, ныне занятых учреждениями штаба армии; далее, у стен собственно китайского города, ряд жалких, наскоро сколоченных лачуг, где помещаются лавки всевозможных товаров, содержимые большею частью «восточными человеками», две жалкие гостиницы и знаменитый «Chateau de fleurs», кафе-барак с интернациональными певицами.

Китайский город окружен глубоким рвом и каменными стенами с воротами. По обе стороны широкой улицы – ряд китайских лавок с досками, испещренными надписями, на разноцветных столбах, резных и позолоченных, с громадными сапогами вместо вывесок сапожных магазинов, с грудями разного товара – китайских седел, расшитых шелками и золотом курм, ковриков, сшитых из лоскутков разноцветного меха, китайские аптеки, кузницы. Масса разносчиков, точильщиков, продавцов всякой снеди на лотках, уличных парикмахеров, походный театр-панорама... На улицах пестрая, разношерстная толпа: китайские арбы, фудутунки, рикши, казенные двуколки, солдаты всех родов оружия, китайские купцы в черных шапочках и шелковых разноцветных курмах с пышными, черными косами, рабочие-манзы в синих холщовых штанах и рубахах, с закрученными косами вокруг голов и бронзовыми, загорелыми грязными лицами... Все это громко разговаривает, обгоняет друг друга, сталкивается и озабоченно стремится дальше. Яркие краски, типичная пестрая суতোлка, гам, шум, возгласы разносчиков, музыка бродячих музыкантов – все это сразу охватывает вас, как только вы входите в китайский город. Глаза разбегаются, не зная, на чем остановиться, – так это ново, ярко и характерно!.. Но надо возвращаться на вокзал присутствовать при выгрузке лошадей... Сотне назначена для стоянки одна из многочисленных пригородных деревень в несколько фанз, в 2¹/₂ верстах от города.

II

Как я уже сказал, мы стоим в 3 верстах от Лаояна. Погода прекрасная, деревья зеленеют, тепло настолько, что я перебрался в палатку, где и сплю, раздеваясь совершенно и прикрываясь лишь сверх одеяла буркой. О нашем дальнейшем движении ничего неизвестно. Прошел слух, что мы пройдем здесь до выступления еще курс стрельбы, будто бы необходимый для казаков наших как людей второй очереди. Не говоря уже о том, что большинство казаков – прекрасные охотники и стрелки, но почти все это люди, прошедшие еще недавно китайскую кампанию, а потому такому замедлению нашего движения, когда, по общим отзывам, вследствие недостатка кавалерии сведения о противнике крайне скудны, нельзя не удивляться.

За время похода я успел присмотреться к казакам. По развитию, сметке, большой находчивости и инициативе казак далеко превосходит регулярного солдата. Особенно поразительна у него способность ориентироваться. Раз пройдя по какой-либо местности, казак пройдет там

же без колебания в какой угодно туман, в какую угодно темную ночь. Я выразил раз мое удивление этой способности одному из бурят моей сотни. «Как идешь куда-нибудь, почаще оглядывайся – смотри назад; как дорога покажется, такой она и на обратном пути казаться будет, и тогда никогда не ошибешься», – научил он меня, и много раз впоследствии я благодарил его в душе за совет. Забайкальский казак в высшей степени вынослив, никогда не падает духом, хороший товарищ и легко привязывается к своему офицеру. Он не имеет выправки и внешней дисциплины регулярного солдата, да и требовать от него их трудно, приняв во внимание прохождение им службы, но, отдав приказание, вы можете положиться на казака: он точно и обстоятельно его исполнит. Как кавалерист забайкальский казак, при настоящей его подготовке, оставляет желать много лучшего. Уход за лошадьё у него крайне небрежен, вернее, никакого ухода нет, и надо лишь удивляться выносливости и неприхотливости забайкальских коней, могущих выносить подчас крайне тяжелую службу при таких условиях.

Забайкальские лошади большею частью безвершковые, хотя и некрасивые, но удивительно крепкие и выносливые. Это, по моему мнению, прекрасный материал для строевой казачьей лошади, при условии, конечно, ее улучшения. В Забайкалье есть несколько заводов полукровных англо-забайкальских лошадей (например, завод Бакшеева станицы Заргольской), и виденные мною лошади этих заводов не оставляют желать ничего лучшего. Прилитая чистая кровь, увеличив рост забайкальской лошади до 1¹/₂–2 вершков и значительно увеличив ее аллюры, оставила ей ее выносливость и неприхотливость. Крайне желательно было бы поощрение дальнейшего улучшения забайкальской лошади.

Вчера мне удалось осмотреть китайскую тюрьму и видеть китайское судопроизводство, при котором до сего времени широко применяются пытки, а сегодня я присутствовал при казни китайскими властями пяти хунхузов. Постараюсь, как умею, описать мною виденное.

В центре китайского города помещается дворец тифангуана – китайского губернатора. Это обыкновенная богатая фанза, сложенная из сырца и крытая черепицей с причудливыми коньками на гребне крыши. Обширный двор вымощен камнем, и несколько ступеней ведут к крыльцу, на котором и совершается тифангуаном разбор дел преступников, которые помещаются в тюрьме, в конце двора. Тюрьма – грязная, убогая фанза с двором, окруженным высоким частоколом; на этом дворе, грязном и донельзя зловонном, бродят или валяются прямо в грязи, в лохмотьях, с растрепанными, сбитыми в войлок косами и деревянными колодками на ногах преступники. Тут же на земле стоят чаши, ряд корыт с помоями, служащими им пищей. Нельзя себе представить что-либо более грязное и ужасно отвратительное, как эта тюрьма; долго нельзя оставаться у частокола – зловоние прямо удушьющее.

В 4 часа тифангуан в шелковом одеянии и соломенной конусовидной шляпе с павлиньим пером и цветным шариком на макушке (обозначающим его чин сообразно цвету шарика: синему, красному или желтому) приступил к допросу. По обе стороны его кресла чиновники поочередно нараспев читают стоя обвинительный акт, и подсудимый, стоя на коленях, дает показания. Китайские городовые в обмотанных, на манер чалмы, на головах платках и в черных куртках с белыми, испещренными письменами кругами на груди разгоняют толпу, далеко не деликатно колотя палками по бритым головам любопытных. Тифангуан, по-видимому, находит показания обвиняемого недостаточно ясными, он отдает приказание, и два здоровых китайца растягивают несчастного на полу, садятся ему на плечи и на ноги, и третий, вооружившись бамбуковой линейкой в два пальца шириной, начинает наносить равномерные сухие удары по внешней стороне бедра несчастного. Грязная бронзовая кожа краснеет, багровеет, затем делается белой, как бумага, и наконец лопается, обращаясь в кровяной бифштекс... Тифангуан, по-видимому, остается доволен показаниями.

Другого преступника, известного хунхуза, подвергают ужасной пытке. Согнув несчастного ноги в коленях, ставят его у вертикального шеста коленями на свернутые клубком железные цепи, руки вытягивают по сторонам тела горизонтально и притягивают к поперечине шеста

за концы мизинцев тонкой струной. Таким образом преступник как бы распят, и весь вес его тела раскладывается на колени, поставленные на железные цепи, и на мизинцы, притянутые к поперечине. Но это не все... Между вертикальным шестом, у которого стоит пытаемый на коленях, и его спиной медленно загоняют деревянный, обитый кожей конус. Спинной хребет распятого выгибается дугой, грудная клетка выпячивается, дуги ребер изгибаются... От боли жилы на лбу надуваются, как канаты, и из груди вырывается хрип... Я не мог выдержать долее и, как в тумане, вышел на улицу!..

Сегодня я присутствовал на казни, совершенной над пятью хунхузами в поле за воротами китайского города. К назначенному часу толпы китайцев стекались к месту казни. Вскоре послышались звуки китайских труб. Печальный corteж приближался. Впереди быстрым шагом, почти бегом, шли по два музыканта с длинными, около сажени, трубами. Заунывный, вибрирующий звук китайской музыки постепенно рос, торжественный и грозный, и вдруг сразу обрывался, чтобы сперва глухо, затем все громче и торжественнее нестись вновь. За музыкой знаменщики с громадными треугольными черными, испещренными письменами знаменами, далее пехотные войска с повязанными платками головами, в черных куртках с белыми кругами на груди, с ружьями на плечах. Еще далее в голове эскадрона регулярной китайской кавалерии на прекрасном белом коне офицер в красной мантии, ниспадающей по обеим сторонам коня. С руками, связанными за спинами, с деревянными колодками на ногах в китайской арбе под прикрытием эскадрона везли осужденных. В косы их вставлены были вертикально палки с бумажками, на которых китайскими буквами были прописаны их преступления. Corteж быстро приближался. Подходя к месту будущей казни, колонна разомкнулась, и войска, обойдя лобное место справа и слева, окружили его кольцом. Палач, рослый, мускулистый средних лет китаец, быстро за косы стащил преступников с телеги и, поставив в ряд на коленях, на интервалах трех шагов, вынул палки с бумажками из кос и сунул каждому из преступников его косу в зубы, дабы при отсечении головы коса не препятствовала удару...

Во все время казни я стоял в трех шагах от казнимых, стараясь найти хоть какое-либо выражение страха на их лицах; но одна лишь полная, тупая, безграничная апатия – вот все, что я мог прочесть.

Взяв обеими руками широкий меч-тесак, палач подошел к осужденному, стоящему крайним справа. Раздался глухой удар, как будто ударили палкой по подушке, и голова казненного, судорожно кося глазами и дергая щекой, упала на траву. Тело, простояв секунду на коленях, как будто бы застыв, грузно упало ничком, и из кровавого обрубка шеи, как из открытого крана, хлынула темная кровь... В ту же секунду раздался второй удар, затем третий, четвертый, пятый. Палач наносил удары на ходу, почти не останавливаясь, и менее чем через 30 секунд на траве корчились, страшно гримасничая, пять голов, и пять широких кровавых луж свидетельствовали о совершенном правосудии...

Вытерев меч о землю и вложив в ножны, палач снимал с казненных деревянные колодки, а назначенные солдаты уже рыли тут же у трупов пять могил...

III

Нам приказано послезавтра, 16 апреля, выступить в деревню Шахэ, в 20 верстах от Лаояна, где мы будем заниматься учебной стрельбой. Досадно сидеть здесь, когда с передовой линии доходят постоянно известия о стычках и набегах наших охотников. Продолжаю знакомиться с типичным китайским Лаояном; сегодня обедал в китайском кабаке и, несмотря на отвращение, внушаемое европейцу некоторыми китайскими блюдами, считающимися здесь деликатесами, как, например, тухлыми, вареными вкрутую яйцами, трепангами (морские черви) и т. п., заставил себя полностью съесть весь обед, в общем что-то около 20 блюд, подаваемых небольшими порциями в маленьких фарфоровых блюдах. Тут были: суп из ласточ-

киных гнезд, напоминающий бульон из бычачьих хвостов, мелко нарезанная жареная утка и курица, очень вкусный шашлык из свинины с крепкой китайской соей, пельмени со свиной, студенистые трепанги, морская капуста, еще какие-то овощи, всевозможные засахаренные фрукты и т. д. Между блюдами подавали слабый, очень сладкий чай в микроскопических чашечках и подогретый «ханшин» – китайскую водку отвратительного запаха и вкуса. Для еды вместо вилок и ножей употребляются особые палочки, которыми китайцы удивительно ловко подхватывают пищу и запихивают ее в рот. Для нас, европейцев, это значительно труднее...

После обеда ездил осматривать чайную, где собираются курильщики опиума. При входе вас сразу охватывает сладкий, опьяняющий запах опиума. На «канах» (лежанках), идущих вдоль стен фанзы, помещаются курильщики; они лежат на тонких стеганых, обтянутых синим холстом тюфячках, облокотясь на круглые валики подушки, обтянутые той же материей. Около каждого находится маленькая спиртовая лампочка, на пламени которой курильщик нагревает густую, черную массу опиума, скатывает из нее шарик, который и помещает в толстый, в две четверти длиной, чубук. Курильщики затягиваются сладким, густым опиумом, издавая какой-то клокочущий звук. Лица у большинства желтые, изможденные, взгляд имеет совершенно особенный, лихорадочный блеск. Толстый хозяин, стоя в углу фанзы у небольшого столика, апатично заготавливает чубуки для своих посетителей...

Ввиду того, что нашей дивизии предстоит, вероятно, действовать на левом фланге нашей армии, в гористой, труднопроходимой местности, отряду отдано приказание заменить колесный обоз вьючным. Генерал Ренненкампф, ставя на первый план увеличение подвижности своего кавалерийского отряда, строго требует сокращения обоза до минимума, разрешая офицерам брать лишь самые необходимые вещи, чему и сам подает пример, обходясь даже без походной кровати, вместо которой довольствуется буркой.

Все эти дни искал себе мула под вьюк; ввиду громадного спроса цены на мулов очень поднялись, и среднего роста мул стоит здесь, в Лаояне, 125–150 рублей. Как вьючное животное мул во многом превосходит лошадь; не говоря уже о его выносливости и неприхотливости, он в состоянии поднять значительно больший груз и благодаря грубой, плотной коже труднее набиивается вьюком. Чудных мулов довелось мне видеть в здешнем госпитале Георгиевской общины. Госпиталь расположен в небольшой китайской деревне в 2 ½ верстах к северу от города. Фанзы выбелены, вычищены и прекрасно приспособлены под больных. Во дворе устроен небольшой цветник. Все чисто, гигиенично и даже уютно...

Во время моего посещения главный уполномоченный камергер Александровский был занят формированием и оборудованием летучих медицинских отрядов, долженствующих непосредственно следовать за воинскими частями и на самом поле сражения подавать помощь раненым. Нельзя не приветствовать от всей души этого прекрасного дела. Врачи и фельдшера, находящиеся при воинских частях, почти бессильны при значительном количестве раненых и несовершенстве медицинских средств, которыми снабжены части, оказать какую-либо существенную пользу, в особенности при тяжелых ранениях. К тому же нельзя не констатировать, что при настоящей постановке дела очень часто призываемые по мобилизации в воинские части врачи далеко не удовлетворяют самым скромным требованиям, будучи весьма часто почти не знакомы с хирургией. Так, у нас, например, старший врач – очень опытный и пользующийся в ученом мире прекрасным именем... акушер!!! Насколько мне известно, в прежние кампании врачи из запаса призывались лишь для замещения врачей военных госпиталей мирного времени, врачи же последних, как наиболее знакомые с военной медициной, командировались в действующую армию. Ныне же из запаса врачи поступают прямо в действующие воинские части, где неблагоприятные, крайне тяжелые условия походной жизни делают особенно ответственной и трудной первоначальную подачу помощи раненым.

Я получил приказание завтра с рассветом идти со взводом в качестве конвоя при капитане Генерального штаба К. в разъезд. Цель разъезда – исследование путей между большой

этапной дорогой Лаоян – Фынхуанчен и дорогой Лаоян – Саймадзы. Продолжительность разъезда около 1¹/₂ недель.

IV

22 апреля поздно вечером после недельного скитания в горах, где мы за все время не встретили ни одного европейца, мы вышли на большую этапную дорогу Лаоян – Фынхуанчен и расположились на ночлег в деревне Цау-Хе-Гау, в лавке богатого китайского купца. Рекогносцировка наша была окончена, и составленная капитаном маршрутная съемка сведена. Путей, проходимых не только для артиллерии, но и для кавалерии, на всем исследованном нами участке не оказалось, имелись лишь горные тропы, служащие путями сообщения жителям многочисленных бедных деревушек, разбросанных в горах. Мы проходили в день, находясь все время в ходу, не более 20 верст; иные дни шли почти исключительно пешком, ведя коней в поводу, но даже и при этих условиях двигаться подчас было крайне тяжело. Местами кони наши съезжали по горным каменистым тропам, буквально сидя на задугах, а взбираясь на крутые, голые каменистые перевалы, приходилось останавливаться каждые десять шагов, чтобы перевести дыхание. Не обошлось и без несчастия: мой взводный, урядник Баженов, прекрасный, расторопный казак, сорвался с конем под кручу и страшно разбился. Не имея с собою фельдшера, мы с капитаном, как умели, перевязали его, и он, хотя и очень страдая, следовал с нами до большой этапной дороги, откуда я отправил его в сопровождении двух казаков в лаоянский госпиталь.

Первые дни наше движение страшно задерживала взятая капитаном из Лаояна тяжелая фудутунка, запряженная парой мулов. В этой фудутунке капитан поместил свой многочисленный багаж. Не говоря уже о массе всевозможных консервов, в том числе двенадцати банках с ананасами, нескольких ящиках с мармеладом и т. п., тут находились: большой саквояж-несесер с массой всевозможных туалетных принадлежностей, банок одеколона, туалетной воды, вежеталя, белье, которого хватило бы на целый год похода, и т. д. С первого же дня двуколка эта принесла нам массу хлопот; приходилось спешивать людей для втаскивания ее на подъемах и торможении при спусках с перевалов. На мои доводы об обременительности подобного обоза капитан лишь ссылаясь на пример ближайшей турецкой кампании, когда даже тяжелые полевые орудия перетаскивались на руках через Балканский хребет... Наконец, убедившись в полной невозможности двигаться далее при подобном обозе, капитан согласился бросить свою арбу и, купив в одной из деревушек вьючные китайские седла, поместил свой багаж на вьюки.

Недостатка в фураже мы в продолжение разъезда не терпели. В многочисленных деревушках можно было легко достать чумизную солому и гаоляновое зерно, которое наши кони ели с удовольствием. Куры, утки и прочая птица здесь находились в изобилии, лишь с непривычки трудно было обходиться без хлеба – кроме сладких китайских печений на бобовом масле другой мучной пищи здесь не найти.

Местность здесь, как и вообще во всей Северной Маньчжурии, малокрасивая: скалистые, большею частью голые, лишь местами покрытые убогой растительностью горные хребты, с разбросанными по падям убогими, большею частью из двух-трех фанз, деревушками, с многочисленными, быстротекущими горными ручьями...

Несмотря на раннюю весну, поражала скудость животного мира – не было почти совершенно тех звуков пернатого царства, которыми так полон весенний воздух Европейской России. Лишь по долинам горных речек попадались более зажиточные деревушки, выглядевшие особенно весело благодаря многочисленным вишневым деревьям, в это время года покрытым чудным цветом...

Мы вошли в деревню Цау-Хе-Гау в полную темноту и, разбудив старого китайца, владельца лавки, кое-как устроились на ночлег. Не имея более недели никаких сведений из действующей армии и надеясь узнать хоть что-либо о движении наших частей по большой этапной дороге, я попробовал вступить в разговор с нашим «джангуйдой» (хозяином) на том особенном воляпюке, который неизменно служил нам при объяснениях с китайцами.

– Ходя! Лускау джега дау ходи?¹ – начинаю я.

– Ибена Тюренчен пау-пау, лускау ламайла, – Лаоян ходи², – таинственно сообщает «джангуйда».

– Все врет, мерзавец, – возмущаюсь я, – слышите, капитан, говорит, наши отходят...

Наскоро закусив холодной курицей и выпив чаю, ложимся спать. Ночью подымается ветер, начинается дождь, к утру усиливающийся, – плотнее стараюсь с головою укрыться буркой...

– Ваше высокоблагородие, вставайте, – будит меня вестовой. В фанзе холодно, сыро, дождь выбивает частую дробь по оклеенным бумагою окнам, слышен какой-то равномерный грохот, точно от многочисленных двуколок или телег, идущих по дороге.

– наших, сказывают, японцы побили, – сообщает вестовой, – на Лаоян отступают, вон, слышите, артиллерия идет; раненых по дорожке тоже много идет...

Как ошпаренный вскакиваю с кана и бросаюсь на двор, где капитан, стоя без фуражки у ворот, разговаривает со стрелковым офицером в бурке и мохнатой мокрой папахе на небольшом белом «манзюке».

– Неужели и орудия бросили?!

– Пришлось оставить; слишком уж неравные силы были, да и потери громадны.

– А как велики наши потери?

– В одном 11-м полку около 900 нижних чинов выбыло из строя; некоторые роты без офицеров остались...

Боже! Что же это? Неужели поражение? Неужели слышанное мною правда? Оставлены орудия, оставлены раненые и убитые на поле сражения... Маленький, еще вчера казавшийся таким ничтожным, япошка перешел Ялу, отбросил нас на север, захватил наши орудия, наших раненых, оставшихся на поле битвы...

Да, это так! Об этом свидетельствуют эти подбитые, искалеченные орудия, эти редкие, наполовину осиротевшие роты, эти бледные, с перевязанными головами, подвязанными руками, в мокрых серых шинелях люди, что поодиночке или кучками по два-три человека под дождем, по липкой грязи этапной дороги отходят на север... Сердце больно сжимается, слезы навертываются на глаза, не хочется верить ужасной истине...

Молча, не обменявшись с капитаном ни словом, вошли мы в фанзу. Угрюмо и как-то поспешно, точно желая скорее уйти от ужасной действительности, казаки седлали коней.

Молча, без чая, тронулись мы в путь на север по направлению к ближайшему этапу Ланшангуань. Под мелким, сеявшим, как сквозь сито, дождем по обочинам дороги, вытянувшись справа по одному, шел наш разъезд. Мы обгоняли зарядные ящики, обозы, длинные вереницы казенных двуколок с ранеными. Угрюмые, землистого цвета лица, забинтованные розовой марлей головы виднеются из-под серых мокрых шинелей... По обе стороны дороги бредут по липкой, глинистой грязи еще раненые. Многие в изнеможении ложатся прямо в грязь у самой дороги или, припав к земле, пьют из лужи грязную, желтую воду... Я спешиваю мой разъезд и сажаю на коней наиболее приставших. Но уже несколько шагов далее опять попадают выбившиеся из сил, изможденные люди, лихорадочным, полным отчаяния взглядом

¹ Что, друг, русские этой дорогой идут?

² Японцы в Тюренчене стреляют; русские побиты, идут на Лаоян.

молящие о помощи, без перевязки, без пищи двое суток бредущие по липкой грязи... Я отворачиваюсь, будучи не в силах им помочь.

При нашем приближении к этапу Ланшангуань дождь прекратился, солнце неожиданно выглянуло из-за туч. На этапе столпотворение вавилонское: масса офицеров Генерального штаба, артиллеристов, стрелков, в шинелях, бурках, шведских порыжелых куртках – все это громко разговаривает, шумит и закусывает в ресторанчике, устроенном тут же в дощатом бараке каким-то греком.

На косогоре, где раскинулись палатки Красного Креста, неутомимо работают врачи и сестры, перевязывая все прибывающих с юга раненых. Многие молча, прислонившись к глинобитному забору или сидя и лежа на траве, ждут своей очереди. А вот слышно грустное, заунывное пение, и по мостику, перекинутому через протекающий тут же ручей, туда, где на косогоре виднеются несколько белых крестов, группа солдатиков на носилках под серой солдатской шинелью несет одного из тех, который в числе многих раненых за сто верст прибрел сюда, чтобы здесь, вдали от родины, найти покой...

Масса двуколок, арб, запряженных мулами, верховых лошадей под всевозможными седлами столпилась на дороге.

Кучки солдат разных родов оружия, расположившись у ручья, варят чай в медных походных котелках.

В группах офицеров разговоры исключительно о тюренченском деле.

– Все были герои, от командира полка до последнего солдата, – рассказывает полный капитан с растрепанной русой бородой, в папахе и солдатской шинели, – мы держались до последней крайности, несмотря на то что неприятеля было в десять раз больше. Японцы наступали колоннами, потери их были громадны, песчаный берег чернел от неприятельских трюпов... У нас потери ужасны, некоторые батальоны потеряли две трети состава...

– Генерал Ренненкампф 21-го выступил на юг с Забайкальской дивизией... – рассказывает в другой группе молодой казачий сотник.

Я подхожу, представляюсь и спрашиваю, не может ли он сообщить мне, где ныне находится отряд генерала.

– Я обогнал колонну верстах в двенадцати отсюда к северу, генерал скоро должен быть здесь...

Действительно, через полчаса генерал Ренненкампф со штабом, опередив свою колонну, прибыл в Ланшангуань, и я, распрощавшись с капитаном К., который направлялся в Лаоян, в штаб армии, присоединился к своей сотне.

Легучему отряду генерала Ренненкампфа приказано, ведя разведку на крайнем левом фланге нашей армии, в обширном гористом районе бассейнов рек Айхэ и Бадаахэ, одновременно оттягивать, по возможности, силы противника, способствуя тем самым сосредоточению наших сил на большой дороге Лаоян – Фынхуанчен, где имеются прекрасные позиции. Базой наших действий избран небольшой городок Саймадзы, расположенный на узле двух важных дорог, ведущих на города Кинденсянь и Фынхуанчен. Мы прибыли сегодня, 25 апреля, в Саймадзы и отныне ежедневно можем ожидать дела.

V

Недолго пришлось нам ждать дела. На следующий же день нашего прихода в Саймадзы генерал Ренненкампф решил произвести поиск в сторону города Кинденсянь, расположенного в 60 верстах к юго-востоку от Саймадзы и откуда японцы 22 апреля вытеснили казаков 1-го Аргунского казачьего полка, причем один убитый казак был оставлен в городе. В 9 часов утра две казачьи сотни и конно-охотничья команда под общим начальством есаула князя Карагеоргиевича были направлены по дороге на город Кинденсянь. В деревне Аянмянь, на полдороге,

к нам должна была присоединиться еще одна сотня 1-го Аргунского казачьего полка, стоявшая там на передовой заставе. Отряд князя Карагеоргиевича должен был занять скалистый перевал Шау-Го в 20 верстах к северу от Кинденсяня, а в последний город бросить разъезд с целью проверить сведения о присутствии там неприятеля и, буде город занят, выяснить силы противника.

Мы выступили в знойную, безветренную погоду. Дорога шла большей частью скалистыми, узкими ущельями, сдавленными с обеих сторон отвесными, лишенными почти совершенно древесной растительности хребтами. То и дело путь наш пересекался горными ручьями и речками с каменистым, покрытым галькою ложем. Бедные, в две-три фанзы, деревушки ютились в многочисленных «падаях» и «отладках» гор. Лохматые сонные собаки и грязные, черные, с отвислым брюхом «чушки» бродили по улицам деревни. Китайцы, бронзовые, почти голые «ходя», высыпали на дорогу при нашем приближении, протягивая казакам в деревянных корчагах студеную воду из глубоких, выложенных камнем колодцев. Они, видимо, всячески старались задобрить нас, дрожа за свое незатейливое имущество. Бедный, несчастный народ! Завтра с тем же подобострастием он будет встречать желтолицых японских драгун, ожидая ежедневно лишения последнего скудного своего добра, а может быть, и жизни.

Сделав по дороге часовой привал в деревне Аянямынь, мы в 4 часа дня подошли к перевалу Шау-Го, оказавшемуся свободным от неприятеля. Князь Карагеоргиевич приказал мне, вызвав казаков-охотников, идти с разъездом на Кинденсянь. Охотников оказалось много, и, выбрав 10 человек, я в 5 часов тронулся в путь. Карт, кроме двадцативерстных, у нас не было, и я шел по кроки, сделанному мне есаулом 1-го Аргунского казачьего полка Тютчевым, бывшим уже раз в Кинденсяне. Переводчиком должен был мне служить казак моей сотни Терентий Перебоев, изучивший «мало-мало» китайский язык в прошлую китайскую кампанию.

Мы двигались шагом, тщательно осматривая впереди лежащую местность вдоль горного ручья, местами почти пересохшего. Гористая, с массой складок местность легко способствовала устройству засад и требовала особой осторожности при движении. На наши расспросы о неприятеле китайцы отговаривались полным неведением, на все наши вопросы повторяя «пуджидау» («не знаю»). Старый, полуслепой «джангуйда», копошившийся во дворе полуразвалившейся одинокой фанзы, сообщил нам, что накануне восемь конных японцев заезжали к нему и взяли его единственную курицу. Очевидно, это был неприятельский разъезд. Наступали сумерки, как это здесь всегда в это время бывает, очень быстро. Я выслал двух дозорных на белых конях, но скоро и их стало плохо видно.

Перед нами открылась котловина, и замелькали на дне ее огоньки Кинденсяня. До города оставалось версты две. Ясно было, что значительных сил противника в городе быть не могло, иначе на перевале была бы выставлена застава. В городе могла находиться лишь небольшая часть. Так как двигаться скрытно далее с разъездом было нельзя, то, спешив людей на перевале, я спустился с Перебоевым вдвоем пешком в котловину и, соблюдая полную тишину, направился к городу. На дне котловины нас охватила холодная сырость. Сумерки окутали нас густой пеленой, и полная тишина нарушалась лишь доносившимся до нас лаем собак в городе да рокотом воды по каменистому ложу ручья. Было жутко, сердце громко стучало, казалось, вот-вот раздастся окрик японского часового и блеснет в упор выстрел... Перед нами чернела городская стена, местами обвалившаяся... С винтовками в руках мы крались вдоль нее к широким городским воротам, прислушиваясь к каждому шороху, до боли вглядываясь в горную ночную мглу. Все тихо... Широкая улица китайского города, с рядами закрытых лавок, спит. В ближайшей к воротам фанзе светится огонек и слышен китайский говор. Изредка прокричит где-то мул или залает собака...

Цель разъезда достигнута, мы дошли до Кинденсяня и обнаружили в нем полное отсутствие неприятеля. Весело, быстро шагая и делясь пережитыми впечатлениями, поднимаемся мы с Перебоевым на перевал, где казаки беспокоятся нашим долгим отсутствием. Мы сделали

сегодня около 60 верст, до Шау-Го нам осталось еще 20, и я, отойдя на 6 верст, останавливаюсь в небольшой деревушке подкормить коней и выпить чаю. У кого-то из казаков оказываются притороченными к седлу две утки, и вкусная похлебка вознаграждает нас за труды дня.

Отдохнув 2 ½ часа, мы трогаемся в путь и, едва забрезжил рассвет, подходим к сонному биваку Шау-Го. Накануне вечером сюда подошел генерал Ренненкамф с остальным отрядом, и я являюсь ему положить о разъезде. Застаю генерала уже вставшего, как и всегда, в 5 часов. В желтой чесучовой рубашке, с Георгием 3-й степени на шее и в расстегнутой черной шведской куртке, генерал пьет чай, сидя на капе, и громким, отрывистым голосом диктует какое-то приказание начальнику штаба. От всей фигуры генерала, несколько тучной, но плотной и мускулистой, веет энергией и силой.

Он внимательно выслушивает меня, изредка, как бы про себя, вставляя краткие замечания, сразу освещающие, по-видимому, незначительные мелочи и ярко выясняющие общую обстановку.

– Евгений Александрович, отдайте приказание через час трем сотням быть готовыми к выступлению, – отдает приказание генерал начальнику штаба, – надо пощупать японцев...

Оставив отряд в Шау-Го, генерал с тремя сотнями направляется на Кинденсянь. Я едва успеваю выпить чаю и переменить лошадь, как мы уже выступаем. Быстро движется отряд по знакомой мне уже дороге. Три версты не доезжая города, генерал высылает три взвода, чтобы занять все трое городских ворот с приказанием никого из города не выпускать. Приказание вызвано тем, что, подходя к городу, пойман сигнализирующий красным флагом китаец. В колонне справа по три втягивается в городские ворота отряд. Генерал со штабом направляется к тифангуану, офицеры, сидя в китайской лавке, пьют чай с сладкими китайскими печеньями, казаки тащат для коней снопы чумизы и бобовые жмыхи. При входе в город китайцы указали нам труп казака 1-го Аргунского полка, убитого еще 22 апреля и до сего времени не похороненного. Генерал приказал немедленно приступить к похоронам несчастного, и у стены китайской кумирни несколько казаков роют могилу... Я стою с караулом у городских ворот; после сильных впечатлений, бессонной ночи и суток, проведенных все время в седле, клонит ко сну. По улице снуют китайцы, пробегают к колодцу казаки с котелками в руках... Мимо меня, приподнявшись на стремянах и поднимая облако пыли, быстрой рысью проезжает казак. Он сворачивает к кумирне, где хоронят убитого казака, и скрывается с моих глаз...

Не проходит и пяти минут, как на улице подымается страшная суета: бегут офицеры, на ходу поправляя амуницию, из фанз выскакивают казаки, выплескивая из котелков недопитый чай, другие выводят из дворов коней – сотни быстро строятся на улице. Китайцы, почуяв тревогу, поспешно закрывают лавки и тяжелые двустворчатые ворота. Караулам, выставленным у ворот города, приказано сниматься и присоединяться к своим сотням – с заставы получено донесение о наступлении неприятеля, и мы выступаем из города. Нашей 5-й сотне приказано занять холмистый гребень к западу от города. Мы быстро спешиваемся и рассыпаем стрелковую цепь. В бинокль ясно видны в долине, между группами деревьев, наступающие перебежками неприятельские цепи. По-видимому, здесь около двух рот. Вон из рощи показались три всадника и остановились у небольшой деревушки. Левее от нас, там, где наша вторая сотня, слышны выстрелы. Мы тоже даем залпа, но за дальностью расстояния, надо думать, они безвредны. Имея всего три сотни, мы, очевидно, серьезного боя принять не можем, и генерал приказывает отступать. Японцы нас не преследуют, и мы медленно отходим по направлению на Шау-Го. В этом первом деле нашей сотне не пришлось быть под огнем, во второй же сотне ранен казак и две лошади.

VI

Вот уже восемь дней, как мы стоим в Саймадзы. За это время генерал Ренненкампф произвел 3 мая еще одну рекогносцировку по дороге на город Фынхуанчен, где у деревни Хай-Чу-Мындзы обнаружены значительные силы противника. К сожалению, нашей сотне не пришлось участвовать в этой рекогносцировке, мы со 2 на 3 мая занимали сторожевое охранение в окрестностях Саймадзы. Желая хоть отчасти узнать о том, что делается за завесой неприятельских постов, генерал Ренненкампф отправил из Саймадзы в расположение японцев несколько китайцев-шпионов. Из них особые надежды возлагал генерал на нашего китайца-переводчика Андрея, крещеного китайца, бывшего еще в прошлую китайскую кампанию на русской службе. Переодевшись китайским нищим, Андрей благополучно прошел к японцам и принес известие, что неприятель сосредоточивается в значительных силах близ города Фынхуанчена. Известие это представлялось крайне важным, и для проверки полученных сведений генерал решил отправить ряд небольших разъездов, долженствующих проникнуть сквозь неприятельское сторожевое охранение в тыл противника. Охотниками идти вызвались поголовно все офицеры отряда, так что пришлось кинуть жребий, который и вытянули: есаул князь Карагеоргиевич (с ним ушел хорунжий граф Беннигсен), есаул Гулевич (с ним отправился хорунжий граф Бенкендорф), ротмистр Дроздовский (взявший с собой хорунжего Гудеева), подесаул Миллер, сотник Казачихин и хорунжий Роговский. Ввиду невозможности проникнуть через неприятельское сторожевое охранение в конном строю разведчики ушли пешком, каждый с тремя-четырьмя казаками-охотниками. Они ушли вчера и вернутся не ранее 2–3 недель. Если вернутся... При той тщательности, с которой охраняются японцы, при несочувствии к нам, русским, местного населения, при отсутствии точных, подробных карт многие из них, вероятно, поплатятся за свой смелый подвиг. С грустью, хотя и с некоторой завистью в душе, провожали мы их, мысленно благословляя на высокое дело...

Все это время стоит жаркая, сухая погода. Казаки помещаются в фанзах, где духота адская, несмотря на то что сняты с петель все двери и выставлены оклеенные бумагой оконные рамы. Мы, офицеры, помещаемся или в палатках (у кого таковые есть), или в шалашах из плотных китайских циновок. Очень страдаем от недостатка пищевых продуктов и фуража. Приходится ежедневно ездить на фуражировку верст за 15–20, ближайшие запасы все съедены. Здешняя местность, гористая и бесплодная, крайне бедна, к тому же зимние запасы населения к весне уже истощились, и зерно остается лишь необходимое для обсеменения. Китайцы тщательно прячут от нас все, что только возможно, угоняя скот далеко в горы и зарывая зерно в землю. Даже кур, гусей и уток ухитряются скрывать они в особых погребках, которые сверху маскируют всякими способами. Такие погреба называются нашими забайкальцами «потайниками». Есть между казаками особые специалисты по отысканию этих «потайников». Так на днях один из казаков моей сотни разыскал такой «потайник», устроенный среди китайского огорода. Погреб, укрепленный деревянным срубом, был сверху присыпан землей, на которой были устроены грядки и даже посеяна какая-то трава. В этом «потайнике» мы нашли несколько громадных кувшинов с чумизным зерном и около 100 яиц.

Я часто поражаюсь способностью казака помещать невероятное количество всяких предметов на седло и в сумы. В этом отношении он напоминает того фокусника в цирке, который из цилиндра вынимает на ваших глазах кур, кроликов и, наконец, аквариум с рыбами!.. Чего-чего только вы не найдете у казака: тут и китайские улы (род поршней), и пачки китайского табаку, и «лендо» – серп для подрезывания гаоляна, и завернутые в бумагу «цаухагау» – сладкие печенья на бобовом масле. К седлу приторочены несколько кур и уток, а иногда и целый поросенок. Казак удивительно быстро устраивается с закуской; не успеете вы спешить сотню, как уж вода кипит в котелках, и казак «чайует» или варит суп. На переходах я люблю идти сзади сотни

и наблюдать: сотня втягивается в какую-нибудь деревушку, смотришь – один, другой казак незаметно выезжает из строя и заворачивает в какой-нибудь двор. Оттуда с криком вылетают куры, с визгом под ворота выскакивает поросенок... По выходе из деревни порядок быстро восстанавливается, и лишь несущийся от сотни по ветру пух свидетельствует, что суп будет с хорошим наваром. Я должен засвидетельствовать, что до сего времени не слышал ни одной жалобы на присвоение казаками какого-либо китайского имущества – я подразумеваю предметы неудобоваримые. Что же касается всякого рода живности или фуража, то безвозмездное присвоение их не составляет в понятии казака чего-либо предосудительного. Я помню, как неподдельно недоумевал, даже возмущался мой взводный урядник, когда я во время фуражировок платил китайцам за забираемые продукты.

– За что же, ваше высокоблагородие, платить им, ведь мы же имущества ихнего не берем, – убеждал он меня, порицая, видимо, в душе мою расточительность.

В этом отношении казак не пожалеет и своего офицера: взятые нами консервы, которые мы приберегали для трудной минуты жизни, исчезали как дым. У моего командира сотни были две бутылки красного вина. В один прекрасный день обе оказались пустыми, хотя сами бутылки были целы и пробки даже не распечатаны.

– Где вино? – строго спрашивает у вестового есаул.

– Не могу знать, ваше высокоблагородие, однако, вытекло, – невозмутимо отвечает вестовой.

После продолжительного, тщательного осмотра оказывается, что дно бутылки незаметно просверлено... Правда, что казак, сам достав что-либо съедобное, непременно с вами поделится, как бы голоден сам ни был. А голодны теперь и мы, и лошади постоянно. Вот уже три дня как люди не получают мяса, довольствуясь исключительно кукурузными лепешками на бобовом масле. Это бобовое масло так противно, что, несмотря на голод, я не в состоянии его переносить; мой вестовой печет мне те же кукурузные лепешки на воде. Чай пьем без сахара, даже черного, китайского негде достать... Последние два дня кормим лошадей гаоляновыми крышами, несколько коней пало, дальнейшая стоянка здесь погубит конский состав!

Сегодня прошел слух, что генерал Ренненкампф решил передвинуться на свежие места. Дай-то Бог!..

VII

8 мая в 11 часов дня мы покинули голодное Саймадзы. Три сотни, в том числе и наша, пятая, под общим начальством войскового старшины Хрулева были направлены в качестве авангарда через деревню Аянямынь и далее на юго-запад по дороге Аянямынь – Шитаучен – Фынхуанчен. Остальной отряд следовал за нами в одном переходе. Переночевав в Аянямыне, наш авангард 9 мая в 11 часов утра прибыл в деревню Шидзяпудза, в 16 верстах к юго-западу от Аянямыня, где и расположился бивуаком, выставив в деревне Ляншуйчуандзы, по дороге на Шитаучен, заставу. По словам китайцев, город Шитаучен был занят значительными силами противника, и для проверки этих сведений войсковой старшина Хрулев приказал мне, подкормив коней, идти с 15 казаками по направлению города Шитаучена и, ежели возможно, достигнуть этого пункта. До Шитаучена оставалось еще 18 верст, и я, подкормив коней, в 2 часа дня двинулся по указанному мне направлению.

Дабы, двигаясь возможно быстро, не попасть в то же время на неприятельскую засаду, я прибегаю к предосторожности, применяемой постоянно японскими разъездами. В деревне Шидзяпудза мною был взят молодой китаец, хорошо знающий дорогу на Шитаучен, который, следуя впереди моего разъезда, должен был условным знаком дать мне знать о присутствии неприятеля. Его семья в качестве заложников была взята мною с предупреждением, что ей грозит поголовная смерть в случае измены проводника.

Мы шли беспрепятственно, не встречая на пути неприятеля. На наши расспросы китайцы единогласно показывали, что в Шитаучене «ибен ю» (японцы есть) и что неприятельские разъезды ежедневно шныряют по нашей дороге. У деревни Тудзяландзе, на противоположном берегу р. Айхэ, показался неприятельский разъезд из 6 человек, быстро скрывшийся в ущелье. Не доходя верст пяти до Шитаучена, нам встретилась тяжелая двухколесная арба, нагруженная всевозможным домашним скарбом. На арбе, запряженной белым слепым мулом и коровой, сидели три «бабушки» и двое ребят. Старый китаец в соломенной конусовидной шляпе, из-под которой торчала обмызганная седая косичка, шел рядом со своей оригинальной запряжкой. Я остановил его:

– Эй, ходя! Шитаучен ибен ю?³

– Мею, мею. Дапу ибен много-много⁴.

– Машинка ю твоя кантами⁵, – грожу я.

– Мею, мею, машинка...⁶ – уверяет китаец.

Он оказывается прав, и мы беспрепятственно входим в городок.

Выставив пост у входа на фынхуанченскую дорогу, я захожу в лавку богатого китайского купца. Толстый «купеца», оказывается, «мало-мало» говорит по-русски, уверяет меня, что «шибко моя – твоя знаком», и угощает чаем с сладкими печеньями. Он сообщает, что японцы ежедневно бывают в городе и еще сегодня утром здесь были их фуражиры. По его словам, 100 человек японской «мадуй» (кавалерии) и около 1000 «пудуй» (пехоты) стоят в деревне Дапу⁷, в 10 верстах южнее. Это, надо думать, фынхуанченский авангард.

Наша беседа прервана прискакавшим с поста казаком, докладывающим, что по дороге к Дапу видна сильная пыль – по-видимому, идет кавалерия. Приказав разъезду шагом отходить, я скачу снять пост. В полутора верстах ясно виден в облаках пыли идущий крупной рысью неприятельский эскадрон. На фоне темных силуэтов коней изредка сверкает оружие всадника... Мы присоединяемся к разъезду и рысью отходим от Шитаучена. В то время как мы проходим вброд речку, облако пыли поднимается над городом.

Сумерки быстро надвигаются, мы сделали сегодня около 40 верст, и я, отойдя верст 6, останавливаюсь на привал. При быстром нашем отходе мы совсем забыли о нашем проводнике. Он вскоре является к нам, испуганный и бледный. Он зашел в город мирно «почефонить» к знакомому китайцу и ничего не знал о нашем уходе, когда на улице показался японский эскадрон. По его словам, японцы оставались в городе около получаса, расспрашивали китайцев о нас и ушли обратно по дороге к Дапу. Он подтвердил, со слов знакомых ему жителей Шитаучена, те сведения о неприятеле, которые я имел от толстого «купецы»; я послал донесение войсковому старшине Хрулеву и в 12 часов выступил в Шидзяпудзу, куда прибыл на рассвете.

По многочисленным огням bivака я догадался, что сюда прибыл уже генерал Ренненкампф с отрядом. Несмотря на ранний час, генерал уже не спал. Я застал его, как всегда, бодрого и энергичного, умывающимся из холодного, быстрого ручья. Генерал благодарил меня за разъезд и, сказав, что через два часа выступает на Шитаучен, приказал идти с головным отрядом. Вторая лошадь моя хромала, и генерал дал мне одну из своих – белого китайского иноходчика.

В 5 часов мы выступили на Шитаучен, куда и прибыли беспрепятственно. Бивак раскинули у входа в город на гаоляновом поле, и я, растянувшись в палатке на бурке, поспешил

³ Эй, друг, в Шитаучене есть японцы?

⁴ Нет, нет, в Дапу много японцев.

⁵ Ежели врешь, отрублю голову.

⁶ Не вру, не вру...

⁷ Дапу – деревня при слиянии рек Айхэ и Бадью-хэ в 18 верстах к северо-востоку от гор. Фынхуанчена.

вознаградить себя за бессонную ночь. К вечеру стал накрапывать дождь, ночью усилившийся, и к утру весь бивак оказался в страшной грязи...

Мы выступили на Дапу в 8 часов утра. Наша сотня была назначена в прикрытие обоза, и мы шли в хвосте колонны. Едва головная сотня лавой вошла в деревню Дапу, как раздались выстрелы. Перестрелка усиливалась, колонна остановилась, головные сотни одна за другой, поочередно, втягивались в дело. Близ нас, в небольшой, из десятка деревьев, рощице расположился перевязочный пункт летучего отряда Красного Креста. Милейший доктор Кюммель, засучив рукава, раскладывал хирургические инструменты, фельдшер кипятил в котелке воду. Раненые вскоре стали прибывать. Вот бледный, без кровинки в лице, без фуражки, верхом на казачьей лошади сотник Улагай. Левая рука его безжизненно висит вдоль тела, правая судорожно прижата к груди. Конный казак ведет в поводу его лошадь. Раненому осторожно помогают слезть с лошади и усаживают на камень. Он харкает кровью... Пуля пробила левое легкое... Мелкий дождь продолжает накрапывать. Командир нашей сотни сотник князь Магалов снимает свой башлык и накрывает им раненого. Тот молча с благодарностью кивает головой. Вот четверо казаков на носилках приносят тяжело раненного товарища. Лицо его как-то посерело, он стонет и беспокойно мотает головой... Цель рекогносцировки достигнута, неприятель развернул свои силы, и дальнейшее упорство с нашей стороны повлечет за собой лишь ненужные потери... В долине направо видна отходящая лавой под выстрелами неприятеля третья сотня графа Комаровского... Приказано отходить, и сотни вытягиваются по дороге на Аянмянь.

VIII

Переночевав в деревне Лао-Бян-Гоу, генерал, отправив часть отряда и раненых в Аянмянь, с остальными сотнями двинулся вверх по течению реки Айхэ на перевал Шау-Го с целью вновь нащупать неприятеля по дороге на гор. Кинденсянь. Солнце пекло немилосердно. Горная каменистая дорога, вернее, тропа, то вилась по дикому, скалистому хребту, то спускалась в узкое, глубокое ущелье. Лошади скользили, срывались, падали на колени... В одном месте в хвосте колонны послышались выстрелы. Хорунжий Рыжков, в серой рубахе и сдвинутой на затылок папахе, рысью обгонял колонну.

– Что там за выстрелы? Не знаешь? – окликаю его.

– Китайцы, сволочь, сигнализируют... Оболенский приказал казакам их снять, – на ходу отвечает он.

Мы подходим к Шау-Го в полную темноту, бросив по дороге 11 лошадей, выбившихся из сил. Четвертая сотня есаула Власова уходит занимать сторожевое охранение, а мы, закусив изжаренным на костре шашлыком и напившись чаю, располагаемся на ночлег. Душно. Я откидываю все полы палатки. Кругом мелькают огни костров, серебристый дым тянется кверху. Слышно, как кони жуют солому да изредка взвизгнет рассердившийся мул и раздастся сердитый окрик дежурного казака... Дремота понемногу охватывает меня, и я засыпаю.

Кто-то дергает меня за ногу, сквозь сон слышу голос князя Магалова:

– Вставай, вставай! Японцы стреляют по биваку!..

Вскакиваю, спросонья еще плохо соображая. Слышна близкая ружейная трескотня. На биваке суматоха, мелькают силуэты казаков, спешно тушат костры, беспокойно топчутся в темноте лошади. Я быстро натягиваю сапоги и, на ходу прилаживая амуницию, бегу к сотне. Пули часто, как-то особенно резко, свищут в воздухе. Вот одна шелкнула в каменный забор фанзы, другая, с ясным, сухим звуком,хватила в ствол дерева, пугнув круто шархнувших привязанных тут же коней.

На большом плоском камне у ручья стоит генерал со штабом. Его плотная, энергичная фигура ясно выделяется в темноте. Он здоровается с людьми громким, спокойным, даже веселым голосом.

- Здорово, пятая сотня!!!
- Здравия желаем, ваше превосходительство!
- Веселей, братцы! Пусть японец хорошенько слышит!
- Рады стараться, ваше превосходительство!

Спотыкаясь и падая в темноте, мы бежим в цепь. На биваке седлают коней, собирают вьюки.

Наша сотня занимает вспаханный под гаоляновое поле холмистый гребень. Ночь облачна, и темнота не дает возможности разглядеть неприятеля. Но вот в кустах мелькнул огонь, грянул залп, и над нами, жужжа, как рой пчел, понеслись пули.

– Прицел постоянный. Прямо по противнику. Сотня, пли! – Трах... – Еще раз! – Трах... трах, – гремят наши залпы.

Неприятель, видимо, не решается атаковать нас, а стрельба его за темнотой мало действительна. Левее нас слышны частые залпы четвертой сотни.

Лошади поседланы, вьюки собраны, и генерал приказывает отходить под прикрытием второй Нерчинской сотни князя Меликова. Мы отступаем по дороге на Аян्याмынь, и темная, извилистая полоса нашей колонны вытягивается по дороге. Сзади гремят еще неприятельские залпы, и излетные пули изредка жалобно поют в воздухе. Мы отходим в полном порядке, не оставив на биваке ни одной палатки, ни одного котелка. Генерал отдает приказание, и трубачи Нерчинского полка играют гимн. Сотни голосов подхватывают, и торжественные, чудные звуки «Боже, Царя храни» несутся в воздухе, плывут и тают в темноте, достигая во мраке ночи затаявшегося врага.

IX

После бессонной, полной сильных ощущений ночи у Шау-Го мы подошли к деревне Аян्याмынь, где и расположились биваком на берегу ручья. После тяжелых, разнообразных впечатлений последних дней мы рады были несколько отдохнуть, выспаться и подчиститься. Казаки перековывали лошадей, чинили и мыли белье, кони отлеживались и отъедались вкусной чумизной соломой. Но недолго пришлось нам пользоваться благодетельным отдыхом. 15-го утром было получено донесение с заставы, что неприятель наступает со стороны Шау-Го. Сторожевое охранение занимала вторая сотня храброго подьесаула Шундеева, на подкрепление которому была выслана наша, дежурная, пятая сотня. Мы пошли на рысях по направлению к перевалу, занимаемому нашей заставой. У подножия хребта нам встречается конный казак.

- Куда? – окликает его князь Магалов.
- Донесение начальнику отряда, ваше сиятельство.
- Ну что – как у вас?
- Японец шибко наступает... Их высокоблагородие командира сотни ранили, – сообщает казак.

Оставив коноводов в долине, мы со стрелками поднимаемся на перевал. Здесь залегла цепь. Прильнувши к земле, укрываясь за каждым камнем и кустиком, казаки открыли меткий одиночный огонь по наступающим перебежками цепям противника.

Подьесаул Шундеев, слегка прихрамывая (он легко ранен в ногу), проверяет прицел стрелков.

– Возьмите взвод и займите вон ту деревушку внизу, направо, – приказывает он мне, – у меня там стоит взвод, но его недостаточно.

Быстро сбегаю под гору к коноводам и на рысях иду к указанной деревне. Маленькая, в четыре фанзы, деревушка расположена как раз в устье узкого отладка, в который ведет каменная дорога. Если японцы пожелают охватить наш правый фланг, их можно ожидать здесь. Пока ничего с этой стороны не видно. Сзади нас слышны залпы, перестрелка усиливается...

Но вот из-за поворота дороги в падинке показываются восемь всадников. Шагом, часто останавливаясь, точно ощупью, подвигаются они к нам. Плотнo прижавшись к земле, затаились за каменной стенкой казаки. Зорко впились глаза в приближающегося противника, руки судорожно сжимают винтовки. Неприятельский разъезд остановился. Обнаружил ли себя неосторожным движением один из казаков или просто почувал враг коварную засаду?

– Пли! – команду я.

Грянул залп, и одна из лошадей грузно рухнула оземь. Остальные круто повернули назад. Придавленный убитым конем всадник барахтается на земле, стараясь высвободить прижатую лошадью ногу... Вот он вскочил и бросился бежать назад по долине.

Трах... Трах... гремят выстрелы, и японец, как-то свернувшись, падает ничком и остается лежать на дороге, широко раскинув руки. Казаки весело гогочут:

– Здорово, паря, уложил, – словно зайца...

С дальнего хребта раздаются одиночные выстрелы, и пули начинают щелкать по каменной стенке нашего двора. Взводный урядник моей сотни Прокопий Пешков выронил винтовку и как-то сразу осунулся за стенку, но снова поднялся и, порвав зубами перевязочный пакетик, который имеется у каждого казака, розовой марлей обматывает левую руку.

– Что, Пешков, ранен? – осведомляюсь я.

– Палец маленько сорвало, – спокойно отвечает он и, перевязав руку, продолжает стрелять.

Неприятель, видимо, пытается обойти наш правый фланг. На дальнем хребте видны его пехотные цепи.

Я посылаю донесение начальнику отряда. По долине Айхэ видны отступающие лавою сотни. Пора отходить и нам, и я команду: «К коням!» Быстро, пригнувшись, стараясь воспользоваться прикрытием, бежим мы вдоль стенки к коням. Японцы преследуют нас частым огнем, и пули то и дело щелкают по камню. Мы отходим лавою и присоединяемся к сотне князя Меликова, которая, также лавою, медленно отступает по долине. Сзади, там, где японцы, раздается орудийный выстрел. Быстро, с характерным гудением приближается снаряд... Белое облако дыма – и шрапнель подымает пыль на гаоляновом поле... Еще два выстрела, и неразорвавшийся снаряд падает далеко сзади отходящей лавы.

Мы подымаемся на Синкайлинский перевал и в 5 часов дня входим в Саймадзы.

Всякий раз во время боя генерал Ренненкампф находится впереди, в сфере ружейного огня противника. Многие порицают это, находя, что место начальника не в передовых цепях, но в данном случае я с этим не согласен. Все дела нашего отряда – скорее незначительные стычки, и, находясь в передовых цепях, можно легко следить за ходом всего дела. Личный же пример начальника, безусловно, имеет громадное влияние на людей, и его спокойствие передается подчиненным. Широко расставив ноги и выпятив мощную грудь, украшенную Георгием, генерал в бинокль следит за ходом боя, как будто не замечая жужжащих и щелкающих пуль, резким отрывистым голосом отдавая приказания. Приказание эти всегда кратки, определены и ясны. Для получающих их не может быть недоразумения, и остается лишь немедленно их исполнить. Беда замешкаться; генерал этого терпеть не может и того гляди отнимет сотню или, в лучшем случае, отделает так, что и своих не узнаешь. Зато дельное исполнение всегда отметит и поблагодарит:

– Благодарю. Задачу исполнили прекрасно. Сразу видно, хороший офицер...

Странный народ эти китайцы! Мне рассказывал один ротмистр пограничной стражи сцену, которой он был свидетелем: на середине реки Ляохэ опрокинулась лодка с двумя китай-

цами; несчастные долго боролись с сильным течением и наконец пошли ко дну на глазах многочисленных «кули», таскавших в ту пору мешки со стоявших у берега джонок. Тонувшие молча боролись с водой, не сделав даже попытки звать на помощь. На упреки ротмистра в бессердечии безучастных зрителей несчастья последние отвечали:

– Небо желало, чтобы эти люди умерли, – значит, их судьба такова.

Не знаю, насколько справедлив этот рассказ, но вера в непреодолимость судьбы составляет характерную черту китайца. Иначе нельзя объяснить себе того полного презрения к опасности, которому мы все не раз бывали свидетелями. Во время перестрелок постоянно приходится видеть работающих впереди стреляющих цепей китайцев. Пули свищут со всех сторон, а китаец спокойно погоняет пару длинноухих мулов, запряженных в примитивный плуг, как будто ничего особенного вблизи не происходит.

Во время перестрелки под Аянмынем во дворе, где, укрываясь за стенкой, стреляли мои казаки, работала молодая китайская женщина. Она погоняла маленького серого ослика, приводившего в движение первобытную мельницу, установленную на самой середине двора. Пули свистали и шелкали, а она спокойно, не торопясь продолжала свою работу.

– Экая отчаянная... – удивлялись казаки.

Нет! Это не было отчаяние. Это была та непоколебимая вера в судьбу, в нечто высшее, непостижимое, что независимо от нашей воли управляет человеческой жизнью. В то время как сотня отходила лавой и неприятель уже прекратил ставшее бесцельным обстреливание покинутой нами деревушки, я обернулся посмотреть на китайянку. Она продолжала свою работу, и, глядя на нее, трудно было думать, что две минуты тому назад смерть протягивала над ней свою костлявую руку.

В голодном Саймадзы мы оставаться не могли и на другой же день после прихода выступили в Цзян-Чан, богатое село в 40 верстах к северо-востоку от Саймадзы. На полдороге нам пришлось перевалить через высокий лесистый Фейшуйлинский хребет. Узкая горная дорога, вырубленная в скале, извиваясь змеей, ведет на перевал. Густой, перевитый вьющимися растениями кустарник, склонившись над нами, образует местами тоннель. Глухо рокочет падающий каскадами горный ручей. На самом перевале небольшая площадка расчищена под гаоляновое поле, его обрабатывают два старых «бонзы» (монаха), живущие в маленькой приютившейся здесь кумирне.

По ту сторону хребта характер местности резко изменяется. После угрюмых, голых скал глаз приятно отдыхает на холмистой, более мягкой местности. Природа здесь много богаче, земля плодородна, и деревни больше и лучше. Переночевав в деревне Гуанди, мы прибыли сегодня в Цзян-Чан.

Богатое торговое село раскинулось в широкой долине реки Тайдзихэ. Здесь узел дорог на Лаоян и Синдзинтин (Лао-Чен). Масса богатых импаней, ханшинный завод, в многочисленных лавках можно найти всевозможные предметы китайского обихода. Громадные запасы чумизы, гаоляна, бобовых жмыхов, гуси, утки и куры – все это дает нам надежду, если удастся простоять здесь несколько дней покойно, подправить истощенный наш отряд.

У окраины села в отдельной импани расположен эскадрон регулярной китайской кавалерии. У ворот в неизменной черной с белым кругом на груди куртке и с повязанной платком головой, вооруженный винчестером, стоит часовой. В обширном дворе на коновязи стоят маленькие сытые разномастные кони.

Мы располагаемся в богатой импани, где все лошади сотни помещаются на коновязях во дворе.

Х

Наши надежды на продолжительный отдых в Цзян-Чан опять не оправдались. 17 мая мы прибыли туда, а ночью уже было получено приказание из штаба армии о движении вновь на Саймадзы, куда одновременно должны были подойти по разным дорогам отряд полковника Карцева и генерал граф Келлер с пехотой. Генерал Ренненкампф выехал немедленно в отряд полковника Карцева, который был ему подчинен, а наша бригада (2-й Аргунский и 2-й Нерчинский казачьи полки) под начальством начальника бригады генерала Любавина утром 18 мая выступила на Саймадзы. В час дня мы поднялись на скалистый Фейшуйлинский хребет, где на перепаде стояла заставой третья сотня нашего полка. Неприятеля поблизости не ожидалось, и мы спокойно на самом перевале, на небольшой засеянной гаоляном площадке, раскинули бивак. Быстро разбиты коновязи, задымились костры, и казаки уселись «чаевать». Группа офицеров собралась на крыльце маленькой кумирни и, раздобыв из сум незатейливую закуску, спокойно беседовала.

Вдруг резкий, отрывистый звук залпа, а там непрерывно, торопливо затрещала стрельба пачками... Пули засвистали по биваку, зашелкали по крыше и стенам кумирни, стали взбивать сухую пыль на гаоляновом поле...

Японцы, пробравшись горными тропками на доминирующий, заросший лесом гребень ближайшего из многочисленных отрогов Фейшуйлинского хребта, открыли по биваку убийственный огонь.

Трудно описать происшедшую панику. Все бросилось врассыпную: кони, сорвавшись с коновязей, метались на биваке как угорелые, топча вьюки, палатки, сбивая с ног людей и с порванными поводьями, со сбившимися набок седлами уносились в лес... Люди, потеряв голову, бросались во все стороны, ища спасения от убийственного огня за стенками кумирни, в лесу, в заросшей кустами канаве... Вьюки, палатки, орудие валялись растоптанные и изломанные по биваку... То и дело падали люди и лошади, убитые и раненые... Немногие нерастерявшиеся тщетно старались восстановить порядок. Генерал Любавин, вскочив в седло, верхом разъезжал по биваку, призывая людей к спокойствию. Несколько офицеров бросились останавливать людей, стараясь собрать вокруг себя казаков своих сотен. Начальник конно-саперной команды капитан Шульженко, успев собрать большую часть своих людей, бегом бросился в ту сторону, откуда с хребта трещали выстрелы, и, рассыпав цепь, бешеным огнем старался прикрыть бивак. За ним последовала третья сотня Аргунского полка, которая, как дежурная, не расседывая коней и не снимая амуниции, была застигнута менее врасплох.

Стоявший на часах у знамени 2-го Аргунского полка казак упал тут же с раздробленными обеими ногами. Вахмистр нашей пятой сотни Агап Туркин схватил знамя и, окруженный кучкой казаков, вынес его из огня...

При первом звуке залпа я даже не мог себе сразу отдать отчет, откуда стреляют. Услышав чей-то крик: «Господа офицеры, по своим сотням!» – я бросился к биваку, ища глазами моих людей. Но тут была каша!.. По разным направлениям бежали казаки Аргунского и Нерчинского полков, одни – ведя коней в поводу, другие без лошадей с винтовками в руках, иные даже без оружия. Метались лошади, вьючные мулы, топча убитых и раненых... Со всех сторон, рассекая воздух, свистали пули... Наконец я увидел вольноопределяющегося нашей сотни Иванова; он шел, ведя в поводу свою раненую лошадь и неся три винтовки, брошенные людьми, которые он собрал. Выхватив у него винтовки, я останавливаю первых двух попавшихся мне на глаза безоружных казаков и, сунув им в руки оружие, приказываю оставаться при мне. Вот урядник моей сотни Деревнин с кучкой казаков верхом пробирается по биваку.

– Не расходись, паря, не расходись... – покрикивает он, направляясь ко мне.

Мне удастся собрать человек 30 моих людей, и я вывожу их на дорогу. Ко мне подходит начальник штаба дивизии полковник Российский.

– Сколько у вас людей? – спрашивает он и отдает приказание: – Возьмите людей и займите вот эту сопку, правее третьей сотни. Коноводы пусть отходят к деревне Гуанди.

– Прикрывайте нас и отходите, когда услышите сигнал! – кричит он мне уже вслед.

С двадцатью казаками бегу в указанном мне направлении. По дороге мне попадается подьесаул 2-го Нерчинского полка Аничков. Верхом на лохматой чалой лошадке, с трубкой в зубах он шагом едет под выстрелами, густым басом призывая к себе людей. За ним кучка казаков.

– Куда? – окликает он меня.

– Приказано занять ту сопку, – на ходу отвечаю я.

– У тебя мало людей, возьми моих, – предлагает он.

Присоединяю его людей и, рассыпав цепь, открываю огонь залпами по скалистому, острому хребту, откуда гремят неприятельские выстрелы. В лесу, левее нас, трещат выстрелы третьей сотни. Отсюда хорошо виден бивак; он теперь пуст: валяются трупы людей, лошадей... Две лошади с перебитыми ногами стоят одиноко, понуро опустив головы. Всюду разбросаны седла, вьюки, казачьи «теплушки», котелки... Далеко внизу, в долине Гуанди, виднеются отходящие беспорядочной толпой остатки отряда. По обе стороны дороги, напрямик через поле, бредут отдельные конные и пешие люди...

Японцы прекратили огонь. Не стало слышно и выстрелов третьей сотни. Внизу, далеко в долине, прозвенел сигнал. Играют сбор. Подымаю людей и напрямик через лес направляюсь к долине. На пути в лесу нам попадаются всюду брошенные седла, одежда, трупы павших лошадей. В одном месте натываемся на труп белой вьючной лошади. Она лежит на боку, вытянув голову, под офицерским, желтой кожи, вьюком; я узнаю в ней лошадь нашего полкового врача – доктора Семичева. При выходе на дорогу встречаем поискового старшину 2-го Нерчинского полка Заботкина. Он собрал кучку казаков, большею частью обозных и офицерских вестовых с вьюками, и теперь присоединяется к отряду. Он ранен, и его рука подвязана револьверным шнуром.

Вскоре на дороге встречаем полковника Российского. Он с несколькими офицерами и казаками возвращается пешком на место бывшего бивака подобрать оставшихся убитых и брошенные вещи. Мы присоединяемся к нему и поднимаемся на перевал.

Широкой цепью проходим мы лес, тщательно осматривая каждую падинку, каждый куст – не лежит ли где убитый или раненый товарищ. В лесу людей нет, и лишь на месте бывшего бивака разбросаны пять уже холодеющих, с помутневшим, стеклянным взглядом окровавленных тел.

Зорко вглядываясь в наступающие сумерки, разбрелись по биваку казаки, собирая оружие, седла, палатки, котелки. Мы вьючим всем этим кое-как трех бродящих вблизи бивака испуганных лошадей и, предшествуемые пятью носилками с телами павших товарищей, трогаемся в темноте к деревне Гуанди.

Накрапывает мелкий дождик, на душе тяжело и грустно...

Близ деревни Гуанди беспорядочно раскинулся бивак. В темноте мелькает красное пламя костров, двигаются темные фигуры казаков. Сотенные командиры проверяют наличный состав людей, казаки разбирают вещи. В маленькой грязной фанзе перевязывают раненых. Тут же у бивака роют братскую могилу для вытянувшихся рядом на земле, накрытых серыми холщовыми палатками трупов...

Мне приходилось не раз читать и слышать о панике, но видеть ее мне довелось впервые. Только пережив эти ужасные минуты, я ясно понял, что это есть что-то стихийное, почти непреодолимое... В эти минуты в человеке сказывается животное, прорывается то стадное начало, которое заставляет испугавшееся чего-нибудь стадо овец бросаться в реку или в про-

пасть. Я видел безусловно храбрых людей, которые, совсем потеряв голову, не были в состоянии принять какое-либо решение, я видел тех самых казаков, которые под огнем отпускали веселые шутки, толпящимися в ужасе у стен кумирни или бегущими без оружия в лес...

Тот, кто пережил ужасные минуты паники, сохранит от них неизгладимый след в душе до конца жизни. В эти минуты лишь присутствие людей с исключительной силой воли, способных подчинить себе толпу, поработить ее, может остановить общее бегство. Очень может быть, что будь 18 мая с нами генерал Ренненкампф, отряд отошел бы в таком же полном порядке, как неделю тому назад во время ночного нападения японцев у Шау-Го, и железная воля генерала остановила бы панику в самом начале...

Наутро, похоронив убитых, мы двинулись к Саймадзы. Опять пришлось переваливать Фейшуйлин. На месте вчерашнего бивака среди истоптанного гаолянового поля валялась разбросанная солома да несколько раздувшихся, окоченелых конных туш. Вот все, что напоминало о вчерашнем. Вещи, если таковые еще не были подобраны нами вчера, за ночь растащили окрестные китайцы...

Мы вошли в пустое Саймадзы в два часа дня, скоро прибыл и отряд Карцева, а к вечеру приехал генерал граф Келлер, оставивший где-то поблизости на биваке свой отряд.

Простояв в Саймадзы четыре дня, мы перешли в Цзян-Чан, где и находимся в настоящее время. От сотника Казачихина, ушедшего в разъезд в тыл противника еще в первых числах мая, получено донесение. Донесение доставлено китайцами и содержит очень ценные сведения. Казачихин сообщает, что ему удалось проникнуть к самому Фынхуанчену, где сосредоточены значительные силы противника, и присылает кроки с обозначением расположения неприятельских частей. В то время, как он пишет, он лежит больной в горах у приютившего его китайца. Ужасно думать, что в ту минуту, как мы читаем донесение храброго офицера, его, может быть, нет уже в живых.

Вернулись и разъезды Дроздовского и Карагеоргиевича; об остальных же пока сведений нет, хотя им время уже вернуться. Участь ушедших товарищей нас всех беспокоит, и хотя мы и стараемся отогнать мрачные мысли, но в сердце невольно закрадывается тревога об их судьбе.

Наша пятая сотня будет держать посты летучей почты между Цзян-Чаном и Синдзинтином. Воспользовавшись этим бездействием, прошусь у генерала Ренненкампфа на две недели в Лаоян.

В день 18 мая у меня ранена одна лошадь, надо ее заменить, сапоги обносились, белье также на исходе – все это необходимо пополнить ввиду предстоящей еще впереди продолжительной, тяжелой работы.

XI

Я выехал из Цзян-Чана с князем Карагеоргиевичем, двумя вестовыми и вьючным мулом. Наши лошади настолько успели втянуться в работу, что 170 верст, отделявших нас от Лаояна, мы сделали легко в два дня, лишь мул оказался сильно набитым тяжелым вьюком. За два с лишним месяца, как мы, оставив Лаоян, бродили в горах, он значительно изменился. Не доезжая нескольких верст до города, по обе стороны большой дороги тянулись биваки разных частей войск. Длинные ряды белых палаток были разбиты на обширных полях, когда-то засеянных гаоляном, ныне же плотно утопанных несколькими тысячами ног. Стояли рядами походные кухни, зеленые двуколки полковых обозов. На биваке мелькали оживленные группы солдат в серых или цвета «хаки» рубахах, с такими же чехлами на фуражках. Слышались говор, смех. Где-то играла полковая музыка. По дороге шло непрерывное движение. Тянулись транспорты тяжелых двухколесных китайских арб с укрепленными на арбах белыми флажками с обозначением различных воинских частей, громыхали казенные двуколки, рысью пробегали конные ординарцы, развозя приказы по штабам частей. Местность, лежащая впереди города, была

всюду, насколько хватал глаз, изрыта: стрелковые окопы, волчьи ямы, проволочные заграждения – видно было, что здесь не теряли времени и готовились оказать твердый отпор врагу.

При въезде в город обширная площадь была занята интендантскими складами. Целые горы всевозможных бочек, ящиков, мешков, покрытых громадными брезентами, охранялись часовыми. Ожидая разгрузки, стояли длинной вереницей запряженные мулами и коренастыми «манзюками» арбы.

В городе жизнь кипела ключом. Масса уличных китайцев-разносчиков выкрикивали на все лады названия предлагаемых всевозможных товаров, рысью пробегали рикши; с любопытством разглядывая выставленные в лавках китайские товары, толпились солдаты. Вот, трясясь на запряженной парюю крупных – вероятно, артиллерийских – коней двуколке, проехали две сестрицы, видимо, приехавшие в город за покупками. Вот быстро пронесся на крепком сибирском иноходце офицер в черной шведской куртке и красных чембарах. А вот на кровной, с чудным костяком и широкими движениями лошади, в форменном сюртуке с аксельбантами и белом чехле на фуражке кто-то из штабных. Лошадка сопровождающего его вестового, маленький, с остриженной гривой белый «манзюк», кажется особенно жалкой рядом с крупным конем капитана.

Преобразился и запущенный сад у подножия старинной китайской башни – близ вокзала. Там теперь устроен буфет, показывается синематограф и играет по вечерам военный оркестр. В это время здесь бывает масса публики. Все столики на площадке, близ которой играет музыка, заняты офицерами всех родов оружия. В формах не стесняются, здесь вы можете встретить и форменный сюртук (большею частью у штабных), и шведскую куртку, и серую рубаху, и китель цвета «хаки» морского образца. Условия походной жизни сами выработали наиболее удобный и целесообразный костюм – и командующий, понимая это, не стесняет офицеров требованиями строгого соблюдения формы одежды. По главной аллее сада движется пестрая толпа офицеров; изредка промелькнет фигура корреспондента одной из иностранных газет в сером *complet* и фетровой шляпе или бросится в глаза сногшибательная шляпка какой-нибудь «американки». Здесь, в Лаояне, полным темпом идет жизнь тыла армии, здесь бьется сердце громадного живого организма!..

Во время нашего приезда в Лаоян все интересы были сосредоточены на последнем деле у Вафангоу. Об этом только и шли разговоры и в саду под башней, и на железнодорожной платформе, по-прежнему служившей для Лаояна чем-то вроде клуба. Большинство негодовало на отход к северу наших частей, критиковало действия высшего начальства, утверждало, что при большей решительности с нашей стороны дело было бы выиграно. Лишь немногие говорили, что отступление к северу входит в планы командующего, имея целью, завлекая неприятеля в глубь страны и удлиняя его базу, дать в то же время нам возможность сосредоточить у Лаояна значительные силы. Приезжающих с юга окружали со всех сторон, спрашивая о подробностях дела, справляясь об участии товарищей и знакомых. Бесперывно прибывали санитарные поезда. Под палящими лучами солнца с вокзала тянулись к госпиталям длинные вереницы серых холщовых носилок с тяжелоранеными. Они лежали во всевозможных позах – одни на боку, другие вытянувшись на спине, с бледными, несмотря на загар, лицами, с лихорадочным блеском впалых глаз, с обвязанными широкими белыми марлевыми бинтами головами, руками и ногами. Многие не вынесли тяжелой дороги, и этих легко было узнать на носилках по очечелой неподвижности накрытых серыми шинелями тел.

Командующий по несколько раз в день лично встречал поезда с ранеными, обходил вагоны, разговаривая с офицерами и солдатами, и многим раздавал тут же награды. 5 июня он собирался ехать на юг в передовую линию лично руководить военными действиями. С ним отбывал и Великий князь Борис Владимирович со своим штабом.

В Лаояне встретил я моего приятеля, хорунжего 2-го Аргунского полка графа Бенкендорфа. Он ушел от нас в первых числах мая с есаулом Гулевиным в разъезд, и с тех пор мы

об них не имели сведений. Оказывается, что, отделившись от есаула Гулевича, граф Бенкендорф с одним казаком прошел сквозь сторожевое охранение противника и проник в самую глубь неприятельского расположения, добравшись до самого городка Фынхуанчена, где в это время были сосредоточены значительные силы. Окруженный со всех сторон японцами, двигаясь исключительно ночью, а днем скрываясь в покрытых лесом скалистых сопках, он снял многочисленные кроки и собрал массу ценных сведений о неприятеле. В тылу противника, далеко за линией его сторожевых постов, Бенкендорфу удалось наблюдать повседневную, так сказать, мирную жизнь японцев. Так, однажды он видел сменную езду японского эскадрона; другой раз наблюдал работу «кули» под руководством японских саперов по проведению колонного пути. Благополучно пройдя вновь между постами противника, Бенкендорф присоединился к ожидавшим его на наших передовых постах казакам и вместе с ними явился в Лаоян доложить о виденном командующему армией. Я несказанно обрадовался после долгой разлуки встретиться с ним, тем более что начинал считать его уже погибшим.

Одновременно узнал я о захвате в плен японцами разъездов подьесаула Миллера, хорунжего Роговского и сотника Казачихина; последний был взят японцами совсем больным, но успел все же через китайцев доставить в отряд донесение и снятые им кроки.

Во время моего приезда сюда стояла страшная жара. Раскаленный, сухой воздух был неподвижен. Ни одно облако не нарушало безбрежной синевы ясного неба. Тонкая пыль стояла в воздухе, покрывая серым налетом лицо, вещи, платье. От нее не было спасения нигде; она проникала в жилища, в вагон, где я устроился в поезде командующего... Последние дни было несколько дождей, но они принесли мало облегчения. Правда, исчезла пыль, и толстый слой ее, покрывавший землю, обратился в море жидкой, черной грязи – но воздух нисколько не посвежел, и влажность его, при неспадавшей жаре, давала впечатление паровой ванны...

Третьего дня я узнал, что в госпиталь общины Св. Георгия прибыл раненный в разъезде офицер нашего отряда подьесаул Аничков. Я поехал навестить его и застал лежащим на кровати в сером холщовом халате. В обширной чистой палате ходили, лежали или сидели на койках в таких же серых холщовых халатах другие легкораненные офицеры. Тяжелобольных здесь не было, они помещались в другой палате. Сестры в косынках и передниках с нашитым красным крестом на груди бесшумно двигались между койками, разнося лекарства и ласково разговаривая с больными. В открытое окно виднелся небольшой, разбитый среди двора цветник. Какой-то тишиной, мирным покоем веяло от всей этой обстановки...

Рана Аничкова оказалась пустячной, пуля прошла по мякоти ноги, не задев кости, и он через несколько дней надеялся выписаться. Он сообщил мне печальную новость о смерти офицера нашего полка сотника Козловского, убитого в разъезде близ Фейшуйлинского перевала. Козловский состоял ординарцем у генерала Ренненкампа и по собственному желанию отправился в этот оказавшийся для него роковым разъезд. Смерть этого прекрасного офицера была искренно оплакана всем отрядом.

От Аничкова я узнал, что наш отряд находится ныне в 120 верстах от Лаояна вниз по течению реки Тайдзихэ, близ деревни Сяо-Сыр, и что наша пятая сотня, занимавшая посты летучей почты между Цзян-Чаном и Синдзинтином, должна присоединиться к отряду. Мои покупки в Лаояне были кончены, и я решил, не теряя времени, возвращаться в полк.

ХП

Я оставил Лаоян вместе с хорунжим графом Бенкендорфом и на третий день присоединился к отряду, расположенному в деревне Сяо-Сыр, на берегу реки Тайдзихэ и в узле дорог на Цзян-Чан и Саймадзы. На следующий день нашего приезда была назначена усиленная рекогносцировка перевала Сигоулин, занятого саймадзинским авангардом, в которой должна была принять участие и пятая сотня. Мне что-то нездоровилось – слегка лихорадило, и я был остав-

лен в Сяо-Сыр начальником оставшейся части, т. е. полкового вьючного обоза и слабых людей и лошадей. Больных людей, несмотря на тяжелые условия нашей жизни, было вообще у нас мало, наблюдались лишь единичные случаи дизентерии – большею частью в легкой форме. Редкость заболеваний следует, я думаю, приписать здоровому климату этой части Маньчжурии и чудной, прозрачной воде горных ручьев. Значительно хуже обстояли дела отряда в смысле конского состава. Тяжелые условия нашей работы в гористой, с крутыми подъемами и спусками местности, громадные переходы в связи с отсутствием подчас даже мало-мальски сносного корма и отчасти дурной уход за лошадьми казаков губительно действовали на наш конский состав. К этому всему надо прибавить значительные потери в лошадях в многочисленных разъездах и стычках, как, например, 18 мая, когда мы в один день потеряли более 60 лошадей убитыми и ранеными. Убыль в конском составе пополнялась нами всюду, где только представлялась возможность, реквизицией у местных жителей, причем брались не только лошади, но подчас и мулы, на которых сажались безлошадные казаки. В каждой сотне было по несколько таких строевых мулов. Несмотря, однако, на все это, уже к настоящему времени имеется во 2-м Аргунском и 2-м Нерчинском полках в общей сложности около 200 безлошадных казаков. Из них образована особая, так называемая пешая сотня, которой командует подъесаул 2-го Аргунского полка Субботин. Ввиду того, что условия местности позволяют нам двигаться в конном строю исключительно шагом, пешая сотня мало отстает от нас и до сего времени действует прекрасно.

Любопытное зрелище представляет наш отряд для постороннего наблюдателя. Бродя три месяца в горах, офицеры и казаки износились до последней степени. Недостающие части туалета приходится пополнять местными средствами, что и делают, со свойственной им сноровистостью, казаки. На этих днях я обратил внимание на привезшего с заставы донесение казака. Он сидел на рослом белом муле, поседланном казенным седлом. На голове красовалась войлочная китайская шапочка с поднятыми наушниками. Ноги были обуты в китайские «улы» – род поршней, пришитые к голенищам казачьих «ичиков». Красная рубаха и шаровары из синей китайской материи дополняли костюм. Таких ряженных казаков в отряде масса, и наш привычный глаз их даже и не замечает.

Моя лихорадка быстро прошла, и все четыре дня до возвращения отряда с рекогносцировки я жил чисто животной жизнью: ел, спал и по два раза в день купался в быстрых прозрачных водах Тайдзихэ. В эти дни окрестности Сяо-Сыра являли картину мирной сельской жизни. На зеленых склонах сопок бродили стреноженные казачьи кони, быстро поправляющиеся на подножном корму. На реке мыли белье и купались казаки. Всплеск воды и веселый говор звенел в неподвижном знойном воздухе и несся над рекой, и трудно было думать, находясь здесь, что в это время в двадцати верстах трещат выстрелы, свищут пули и люди страдают и умирают...

Отряд вернулся через четыре дня, обнаружив на Сигоулинском перевале значительные силы противника, и на следующее утро мы перешли в деревню Гаолиндзы в 30 верстах к северо-западу от Сяо-Сыра. Из Гаолиндзы наша пятая сотня была послана в отдел, на 25 верст к востоку, в деревню Цинхичен, где и оставалась вплоть до 30 июня, когда нам было приказано вновь занять деревню Гаолиндзы, откуда отряд отошел накануне на левый берег реки Тайдзихэ для рекогносцировки деревни Фандзяпудза, расположенной на дороге Саймадзы – Лаоян и занятой противником. Из Цинхичена мы должны были выставить ряд постов на Цзян-Чан, дабы поддерживать связь с занимающими этот пункт оренбуржцами.

Наше четырехдневное пребывание в Цинхичене ознаменовалось грустным происшествием. 29-го ночью было получено с ближайшего поста от хорунжего графа Бенкендорфа донесение, что посланный им на следующий пост для связи разъезд из двух казаков наткнулся близ деревни Мадзятундзы на хунхузов, которые, засев в кумирне, открыли по казакам огонь, причем один казак был ранен, другой же, казак Кочетов, упал вместе с конем и остался на

месте. Хорунжий граф Бенкендорф немедленно выдвинулся к деревне Мадзятундза, но хунхузы успели скрыться и, по словам жителей, увели с собой раненого Кочетова и коня его. Сотня наша должна была отходить на следующий день в деревню Гаолиндзы, а мне было приказано двинуться со взводом в деревню Мадзятундза и далее с целью нагнать хунхузов и отбить пленного казака, которого ожидали пытки и смерть.

Хунхузы составляют страшный бич Маньчжурии, держа в трепете и в полном подчинении целые области. Китайские власти бессильны с ними бороться, как как обнаружить их почти не представляется возможным. При приближении опасности хунхуз, укрыв оружие, превращается в мирного поселянина, а местное население под страхом ужасного мщения не смеет его выдать. Есть целые деревни в Маньчжурии, жители которых занимаются исключительно разбоями. С попавшими в их руки пленными хунхузы безжалостны и подвергают несчастных перед умерщвлением самым ужасным пыткам.

Я двинулся на рассвете в деревню Мадзятундза, прибыв в которую немедленно арестовал нескольких жителей и под угрозой смерти потребовал у них сказать мне всю истину. После долгих запираТЕЛЬств, видя, что я готов прибегнуть к решительным мерам, китайцы сообщили, что упавший с раненым конем Кочетов был зарезан хунхузами и брошен в речку, раненый же конь и оружие захвачены разбойниками. После долгих поисков в реке убитый был найден и вытащен на берег. Он лежал на песке с широко открытыми, остекленелыми глазами, с искривленным предсмертными муками оскаленным ртом. Завернувшаяся красная рубаха обнаруживала мускулистое белое тело, исколотое и изрезанное. Мы насчитали 18 ран... Видно было, что и на этот раз хунхузы остались верными себе и вволю натешились над своей жертвой...

Мы уложили труп несчастного на носилки, укрыли его зелеными ветвями и на китайцах доставили в деревню Гаолиндзы, дабы здесь, в присутствии его боевых товарищей, отдать ему последний долг.

В Гаолиндзы нас ожидала ужасная весть. Наш отряд под Фандзяпудза понес крупные потери. Генерал Ренненкампф был ранен в ногу с повреждением кости, его ординарец ротмистр Цедерберг убит, адъютант есаул Поповицкий ранен в голову, наконец, тяжело ранен один из лучших офицеров отряда и чудной души человек, командир 4-й сотни 2-го Аргунского полка есаул Власов. Раненые отправлены на джонках вниз по течению реки Тайдзихэ в г. Лаоян, и наш отряд осиротел, лишившись начальника, который вот уже три месяца с неустанной энергией среди постоянных опасностей и лишений водил нас по горным, лесистым дебрям, сегодня тревожа японцев у Дапу, завтра отражая их нападение у Шау-Го, послезавтра встречая неприятеля у Саймадзы. Всегда впереди – там, где решается участь дела, он первый подавал пример казакам, деля с ними все тяжести похода, питаясь кукурузными лепешками и лежа в грязи на бурке под дождем.

Не раз в ужасные, тяжелые минуты, когда готова была угаснуть последняя искра энергии в измученных бессонницей и лишениями людях, одно появление его вливало им силы, и усталые, отчаявшиеся, готовые пасть духом люди превращались в львов, готовых до последней капли крови бороться за честь и славу дорогой родины.

С потерей генерала Ренненкампа наш передовой отряд теряет свое значение, является мертвым организмом, безжизненным, лишенным души телом.

В тылу у японцев во время боя при Шахэ

I

В середине сентября 1904 года решен был переход нашей армии в наступление, к этому времени численность наших сил достигла 181 400 штыков, 12–14 тысяч шашек и до 600 орудий. Мы занимали фронт в 50 верст от Импань до Пхудзыян, и армия по фронту делилась на две группы – западную (генерал Бильдерлинг) и восточную (генерал барон Штакельберг). Общий резерв составляли два корпуса под начальством генерала барона Мейендорфа. Для охраны флангов назначались: правого – отряд генерала Коссаловского, левого – генерала Ренненкампа. Силы японских трех армий исчислялись нашей главной квартирой в 170 000 штыков, 6 ½ тысяч сабель и 648 орудий. Фронт неприятельских армий тянулся на 60 верст от Далинского перевала до Чесантунь.

Целью наступления ставилось разбить японцев в районе между реками Шахэ и Тайдзихэ и отрезать их сообщения на востоке и юге; во исполнение означенной цели восточный отряд должен был отгеснить правый фланг противника у деревни Бензиху и, наступая долиной реки Тайдзихэ, действовать в тыл неприятельских позиций у Янтая; западный же, двигаясь вдоль железнодорожного пути и Мандаринской дороги, наступать на город Лаоян.

К означенному времени наш отряд генерала Ренненкампа, в составе 13 батальонов, 26 орудий, 16 сотен, 4 конно-горных орудий и саперной роты, располагался в районе деревень: Мадзядань – Убеньянуза – Сантунью. После памятных дней Лаояна мы продолжительное время стояли в бездействии, лишь изредка предпринимая усиленные рекогносцировки. Для нас, казаков, испытавших первый период лихорадочной деятельности передового летучего отряда генерала Ренненкампа, особенно монотонно и скучно тянулось время нашего продолжительного стояния. Хотя и носились слухи о скором переходе наших в наступление, но этим слухам не придавалось особого значения; наше непрерывное отступление, отход назад даже после одержанного на всем фронте при Лаояне успеха невольно зарождали сомнения в намерении командующего в ближайшем будущем перейти к активному образу действий.

21 сентября все части отряда получили приказание к 6 часам вечера строиться у выхода дер. Убеньянуза для присутствия на имеющем быть отслуженным молебствии. Одновременно разнесся слух, что получен приказ командующего армией о нашем предстоящем наступлении; слух этот с быстротою молнии облетел отряд, вызвав всеобщее ликование... То, о чем мечтал с самого начала войны каждый из нас, то, чего ждал и что ежечасно призывал всем сердцем, наконец наступило, и повсюду за все тяжелое и унижительное, пережитое нами за последние восемь месяцев, казалось близким. Несмотря на ряд пережитых невзгод и неудач, вера в свои силы, вера в непобедимость нашей армии не была поколеблена, и каждый из нас смело смотрел вперед, твердо веря, что ему удастся отомстить за ряд пережитых унижений врагу. Собирались оживленные группы, известие обсуждалось на все лады, составлялись всевозможные планы и предположения...

К назначенному времени части отряда построились в долине у выхода из деревни на скошенном гаоляновом поле. Длинный ряд серых солдатских рубах как нельзя более гармонировал с серым тоном вспаханной земли, едва выделяясь на фоне серого камня, тянувшегося вдоль скалистого хребта. Заходящее солнце озаряло розовым светом скалистые гребни гор, играя последними косыми лучами на оружии, бляхах амуниции, на парчовом покрове поставленного среди поля аналая. Под одиноко видневшимся среди поля скорченным дубом стоял генерал Ренненкампф со штабом; его плотная крупная фигура в красной шведской куртке, с

Георгием на шее и в петлице, с серебряной кавказской шашкой через плечо, резко выделялась среди прочих лиц штаба. Начальник штаба внятным мягким голосом читал приказ:

– Более семи месяцев тому назад враг вероломно напал на нас в Порт-Артуре ранее объявления войны. С тех пор много подвигов содеяно русскими войсками на суше и на море, которыми справедливо может гордиться наша родина, но враг не только не повержен в прах, но в гордыне своей еще продолжает помышлять о полной победе над нами... – раздаются в тихом вечернем воздухе начальные слова приказа.

С напряженными, сосредоточенными лицами, стараясь не проронить ни одного слова, жадно ловя каждый звук, слушают все знаменательные, отныне исторические слова, слова, обращенные к великой армии ее вождем. Замерли, затаив дыхание, точно окаменев, тысячи однообразно-серых фигур, и лишь особый лихорадочный блеск в напряженных взглядах выдает копошащиеся в глубине душ тысячи разнообразных ощущений...

Командующий упоминает в приказе о недостаточности до сего времени наших сил, о трудности сосредоточить в малое время на театре военных действий значительную армию, отдает должное героической обороне войск, образцовому порядку при отступлениях...

– Я приказал вам отступать с горестью в сердце, но с непоколебимою верою, что отступление наше на подходящие подкрепления было необходимо для одержания над врагом, когда наступит для сего время, решительной победы...

Да, это так. Отступая шаг за шагом, отдавая с болью в сердце каждую пядь обгащенной своей кровью земли, армия ни одной минуты не падала духом, твердо веря в свою конечную победу, в близкое возмездие врагу...

– Теперь настало уже желанное и давно ожидаемое всею армиею время идти самим вперед навстречу врагу. Пришло для нас время заставить японцев повиноваться нашей воле, ибо силы маньчжурской армии ныне достаточны для перехода в наступление...

Свершилось. Точно электрический ток пробежал по рядам войск... Конец бесконечным отступлениям, когда после ужасных, в несколько суток, боев, где неприятель разбивался о стойкость и непоколебимое мужество наших войск, мы отходили, оставляя врагу усеянные трупами наших славных товарищей позиции; конец ужасным томительным переходам по непролазной глинистой грязи дорог с болью в сердце, с тяжелым кошмаром унижения в душе... Близок час, когда враг сторицею расплатится за пережитые унижения, когда воспарит вновь непобедимый доселе русский орел...

– Державный вождь русской земли молится со всей Россией за нас и благословляет нас на новые самоотверженные подвиги. Подкрепленные этой молитвой, с глубоким сознанием выпавшей на нас задачи, мы должны идти вперед бестрепетно, с твердою решимостью исполнить свой долг до конца, не щадя живота своего, и да будет над всеми нами воля Господня, – раздаются заключительные слова приказа.

– На молитву. Шапки долой...

Начинается молебствие.

Солнце почти скрылось за скалистым гребнем хребта. Закат охвачен всеми цветами зари, начиная от огненно-красного и кончая бледно-розовым. Лиловые тени сползли в долину. В воздухе потянуло ночью свежестью. Проникая в сердца, несутся тихие звуки церковного пения. Синей дымкой тянется кверху ароматный дым ладана. Столь часто слышанные, подчас машинально повторяемые, слова молитвы в эту минуту приобретают совсем новое, особенное значение, и в душе каждого из нас растет и охватывает все существо давно не испытанное чувство бесконечного умиления...

Молебен кончился. Плавнo пронеслись и растаяли в тихом вечернем воздухе последние слова молитвы...

– Накройсь. Смирно!

Отрывистым, несколько хриплым, но громким голосом генерал Ренненкампф говорит с войсками. Он поздравляет их с давно жданным наступлением, благодарит за усердную службу, выражает уверенность в дальнейшей доблести...

– Державному вождю русской армии Государю Императору громкое русское ура! – кончает свою речь генерал.

– Ура! Ура!.. – неудержимо, стихийно, будя эхо в далеких полях и отладках гор, несется по долине, и в этом общем крике тысячи грудей сливаются воедино, неразрывно соединяются чувства и помышления всех нас.

– Командующему армией генерал-адъютанту Куропаткину ура! – снова гремит голос генерала. И вновь, будя горное эхо и вспугивая укрывшихся на ночлег в расщелинах скал птиц, несется громкое могучее «ура», и кажется, что перед этим громким русским «ура» не устоит и обратится вспять коварный и ненавидный враг...

II

22 сентября началось общее наступление частей восточного отряда. Отряд генерала Ренненкампфа начал движение несколькими колоннами правым берегом реки Тайдзихэ по направлению к дер. Бенсиху. Для охранения левого фланга генерала Ренненкампфа был выделен отдельный конный отряд из трех аргунских, двух нерчинских сотен, охотничьей команды Сретенского полка и взвода конно-горной артиллерии под общим начальством генерал-майора Любавина. Генерал Любавин должен был, переправившись через р. Тайдзихэ у дер. Сандзядза, двигаться далее левым берегом реки, согласуя свое движение с наступлением главных сил отряда генерала Ренненкампфа и наблюдая район к югу и юго-востоку. Три сотни нашего 2-го Аргунского казачьего полка вошли в состав конного отряда генерала Любавина, а я назначен был к генералу ординарцем.

Мы выступили в 7 часов утра и, двигаясь давно знакомыми местами, перешли в этот день в деревню Гаолиндзы, где и остановились на ночлег. В дер. Гаолиндзы мы стояли довольно долго еще летом и отошли отсюда после лаоянских боев. Китайцы, особенно чуткие к переменной фортуны войны и неизменно стоящие на стороне сильнейшего, особенно подобострастно встречали нас, шумно выражая свои восторги и заверяя в своей непреложной дружбе:

– Шанго капитана, та-гаде капитана. Шибко знакома.

Переночевав в дер. Гаолиндзы, мы на следующий день достигли р. Тайдзихэ у дер. Сандзядза и здесь простояли до 25 сентября, давая подтянуться главным силам отряда. 25-го в 8 часов утра мы переправились через Тайдзихэ и, бросив на юг и юго-восток серию разъездов, двинулись левым берегом реки, поддерживая связь с левой колонной отряда генерала Ренненкампфа, наступавшей под начальством генерала Петерева правым берегом реки из дер. Уяньнь.

Мы двигались шагом, часто останавливаясь. Несмотря на то что солнце уже давно встало, было сыро и холодно. Густой туман стоял над рекой, стлался белой пеленой по горным долинам. В десяти шагах уже трудно было различить что-либо, конные фигуры впереди идущих казаков расплывались, точно таяли в этой молочной мгле. От высланных вперед разъездов сведений о присутствии неприятеля не поступало. Пройдя верст пять берегом реки, дорога несколько сворачивала в сторону, углубляясь в долину, отделенную от реки тянущейся вдаль холмистой грядой. К одиннадцати часам туман постепенно рассеялся, и теперь ясно были видны черные конные фигуры следующих по сторонам колонны по гребню холмистой гряды наших дозоров. По вьющейся змеей горной дороге справа по три вытянулся наш отряд; мелко переступая по каменистой дороге, двигаются мохнатые разномастные забайкалки, неуклюжие и маленькие под крупными серыми фигурами казаков. Кое-где пестреют над колонной разноцветные значки сотенных командиров. На правом берегу реки все тихо...

Но вот вдали резко протрещали первые выстрелы, стукнув по нервам и заставив насто- рожиться каждого человека... Перестрелка усиливается, отдельные выстрелы сливаются в общую трескотню – видно, что там, у генерала Петерева, завязывается дело. Мы ускоряем шаг, дорога вновь поворачивает к реке, и вскоре показываются быстро несущиеся сверкающие воды Тайдзихэ. Впереди трещат выстрелы... Нерчинская сотня графа Келлера, развернув лаву, пере- правляется вброд к виднеющейся вдали деревушке под выстрелами занявших на противопо- ложном берегу скалистый гребень японцев. Колонна останавливается. Переправившись, сотня спешивается и, заняв деревушку, завязывает с японцами оживленную перестрелку. Изредка излетные пули долетают до нас, жалобно воя в воздухе, или гулко щелкают в мокрую глину размытого откоса горы.

– Переправьтесь через реку и отыщите на том берегу генерала Петерева. Доложите, что я здесь и занял переправу, – приказывает генерал Любавин.

Толкаю коня и вместе с вестовым переправляюсь на противоположный берег; быстро несутся скорые, но неглубокие воды реки, едва доходя до брюха лошади. Резко просвистели в воздухе несколько пуль и звонко плюхнулись в воду, взметнув блестящие брызги. Мы на правом берегу реки...

Японцы, заняв высокий скалистый гребень, обстреливают окраину деревни Уянын, занятую нашими пехотными цепями. У маленькой полуразвалившейся кумирни расположился генерал Петерев со штабом и в бинокль следит за ходом боя; я являюсь ему и передаю при- казание.

– Поезжайте обратно, – приказывает мне генерал, – и попросите генерала Любавина под- держать меня артиллерией; у японцев там на гребне окопы, и их очень трудно выбить.

Поворачиваю лошадь и возвращаюсь к генералу Любавину, который, выслушав мой доклад, отдает приказание орудиям открыть огонь. Быстро сворачивают с дороги орудия, выез- жают на скошенное гаоляновое поле и снимаются с передков...

– Первое, – раздается команда. «Буух», – громыхает орудие, и через несколько секунд над занятым японцами скалистым гребнем вспыхивает белый дымок шрапнельного разрыва.

– Второе. – «Буух-буух», – гремят выстрелы...

Генерал Любавин переправляется на правый берег реки и вместе с генералом Петере- вым, стоя близ кумирни, следит за ходом боя. Наши пехотные цепи перебежками наступают по гаолянному полю. По дороге мимо нас тянутся раненые. Вот четверо несут тяжелораненого: загорелое молодое лицо его со слипшимися на лбу желтыми волосами как-то посерело, он хрипло стонет, мотает головой и отплевывается кровью. Вот двое других ведут, поддерживая, раненого товарища; разутая, с засученными выше колена шароварами нога обмотана розовой марлей перевязочного пакетика. А вот легкораненый – он идет один, хромя и опираясь на приклад ружья; поравнявшись с нами, он останавливается и тяжело переводит дух; ему неудер- жимо хочется поделиться с кем бы то ни было только что пережитыми сильными и непривычно разнообразными впечатлениями.

– Ишь ты, как его жарит... – не обращаясь ни к кому в отдельности, вслух произносит он, – да и больно неспособно по скошенному гаолян-то идти...

– Что, брат, куда ранен? – спрашивает кто-то из нас.

– Вот туточки, ногу маленько попортило, – отвечает раненый и, прихрамывая и опираясь на ружье, плетется по дороге далее на перевязочный пункт.

Японцы не выдержали нашего огня и очистили перевал, тотчас же занятый нашими стрелками. Мы въезжаем в деревню Уянын. Китайцы в самом начале дела бежали, захватив самое ценное из имущества, и повсюду видны следы поспешного бегства: настезь растворен- ные ворота, брошенные среди дворов раскрытые ящики, кадки, корзины... По дороге нам про- должают попадаться раненые. Вот под конвоем казаков на казенной двуколке везут двух ране- ных японцев, оставленных своими на перевале; один лежит неподвижно на дне двуколки, по-

видимому, при последнем издыхании, другой, молодой, ранен легко; этот сидит на краю двуколки, обхватив обеими руками раненую ногу и, несмотря на сильную боль, видимо, крепится и силится улыбнуться, скаля белые ровные зубы. На самом перевале, у дороги, стоит, поджав перебитую пулей ногу и понуро опустив голову, раненая лошадь; седло и оголовье унесены японцами. . . Оставленные только что неприятелем окопы усеяны расстрелянными гильзами и обоймами. Группы солдат окружают нескольких убитых японцев, с любопытством рассматривая их лица, амуницию, одежду. . . В группах солдат оживленные разговоры.

– Ишь ты, маленький, да черный какой. . .

– Тоже, поди, наших немало перебил. . .

Оставив на перевале две роты, отряд располагается на ночлег в деревне Уянынь. Настроение у всех возбужденное, приподнятое, радостное. . . Первый маленький успех, первая удача поднимают дух, вселяют уверенность в свои силы, заставляют непреложно верить в наши дальнейшие близкие успехи.

III

26-го с рассветом отряд генерала Ренненкампа продолжал наступление по дороге Уянынь-Бенсиху, а наш конный отряд генерала Любавина, вновь переправившись через реку Тайдзихэ и выслав разъезды, тронулся левым берегом реки к деревне Бенсиху. Все ожидали, что Бенсиху занято значительными силами японцев, все ждали сегодня боя, а потому нервы у всех были взвинчены, чувствовалась, как это всегда бывает перед делом, какая-то особенная, несколько повышенная возбужденность. Возбужденность всадников передавалась лошадям, и, подбадриваемые резкою свежестью сентябрьского утра, кони шли пофыркивая, скорым широким шагом.

У дер. Даюйну шедшая в головном отряде нерчинская сотня князя Джандиери была встречена выстрелами; сотня спешила и скоро выбила занимавшую эту деревню конную неприятельскую заставу. Мы продолжали движение. На правом берегу реки завязалась перестрелка. Скоро к трескотне ружей примешалось гулкое буханье орудий, ясно было, что там начинается крупное дело. Вскоре и впереди нас затрещали выстрелы; от князя Джандиери прискакал казак с донесением, что высоты над деревней Даудиншань заняты ротой японцев. Высланные на поддержку князя Джандиери две сотни не могли выбить неприятеля из занимаемых им окопов. Генерал приказал орудиям открыть огонь. Громко прогудели первые выстрелы, отдаваясь эхом в далеких горных падах, – не выдержали японцы и после десятка выстрелов очистили позицию. Спешенные сотни сели на коней и, развернув лаву, перешли широкую долину у деревни Даудиншань и поднялись на оставленный японцами гребень. Опередив спускавшуюся в долину колонну, поднялся и генерал на высокую сопку холмистого гребня. Представившаяся отсюда нашим взорам картина никогда не изгладится из моей памяти.

Мы стояли на высоком, холмистом, покрытом редким кустарником хребте, тянувшемся далеко на юго-восток. У ног наших впереди лежала широкая долина, дебуширующая в реку Тайдзихэ. По этой долине тянулась с юга большая дорога, служившая коммуникационной линией японцам. У выхода из долины на реке виднелся построенный японцами на китайских джонках мост, служивший для сообщения с деревней Бенсиху, многочисленные фанзы которой различались на правом берегу реки. Река Тайдзихэ в этом месте образует излучину, и правый, составляющий внутреннюю дугу этой излучины берег представляет собою упирающийся в реку почти неприступный скалистый горный хребет. Хребет тянется далеко на север, и, доминируя над ним, высится острый шпиль неприступной сопки Лаутхалаза. По западному, обращенному к дер. Бенсиху склону хребта змеей вьется горная дорога, ведущая через крутой скалистый перевал в деревню Уянынь, откуда наступают наши войска. Весь гребень по обе стороны перевала изрыт ясно видимыми отсюда занятыми японцами окопами. Таким образом, мы, обогнув

фланг противника, оказались в тылу неприятельского расположения, на самой коммуникационной линии японцев. В бинокль видны по ту сторону реки расположенные за гребнем хребта близ перевала два японских орудия. Несколько ниже на склоне горы, близ ведущей на перевал дороги, стоят передки и зарядные ящики. По дороге тут и там мелькают маленькие черные фигурки; быстро, бегом поднимаются они на перевал – это, вероятно, производится доставка в передовые цепи патронов из дер. Бенсиху. В этой деревне, надо думать, расположены резервы японцев. А вот в двух местах видны спускающиеся по дороге с перевала несколько черных фигур вместе – то несут раненых. По всему занятому японцами гребню трещат ружейные выстрелы, изредка прерываемые буханьем орудий. То тут, то там под гребнем вспыхивают белые облачка – это рвутся посылаемые генералом Петеревым японцам шрапнели...

Пытавшиеся было спуститься в долину наши сотни встречены сильным огнем японцев, занявших правый берег реки, по обе стороны моста, и высоты над дер. Бенсиху. Мы спешиваем сотни и открываем огонь, стараясь сбить прикрывающих переправу японцев. Артиллерии приказано обстрелять цепи противника и деревню Бенсиху, где предполагаются резервы японцев. Едва выпущено несколько выстрелов из орудий, как густой столб дыма подымается над Бенсиху...

– Смотрите, смотрите, пожар, – говорит кто-то из нас, – это на самом краю деревни, где ханшинный завод, я эти места хорошо помню...

– Там, наверное, их склады... Это японцы сами запалили, чтобы нам не досталось...

– Господа, как придем в Бенсиху, приходите ко мне вареники есть, я еще летом, как мы отсюда уходили, кувшин муки в потайнике запрятал, японцы, наверное, не разыскали, – весело приглашает офицеров хорунжий Рышков.

– Ваше превосходительство, я вчера еще докладывал, снарядов у нас мало, – подходит командир взвода, – сейчас только восемнадцать осталось...

– Экая обида. Видно, не успели доставить... Я два раза писал, требовал, – говорит генерал. Он не может скрыть свою досаду: – Черт побери. Теперь бы только стрелять – все тут разнести в пух и прах можно... Ну, да что ж делать, жарьте последние восемнадцать...

Близок локоть, да не укусишь. До слез обидно видеть свое бессилие, оставаться здесь, не имея возможности воспользоваться всеми выгодами своего исключительно благоприятного положения. Последние восемнадцать снарядов выпущены, и артиллерия остается мертвым грузом, обузой, лишь стесняющей отряд. Генерал приказывает орудиям под прикрытием одной сотни отправляться назад в деревню Уянынь, где и оставаться впредь до пополнения снарядами⁸. Из оставшихся четырех сотен нашего отряда одна выслана для разведки на юг и юго-восток, одна оставлена в прикрытие коноводам, и, таким образом, боевая сила отряда, при условии, что у нас взводы семи-восьмирядного состава, менее 150 винтовок. Конечно, каких-либо активных действий мы при этих условиях предпринимать не можем... Японцам не до нас. Атакованные с фронта генералом Ренненкампом, они напрягают все усилия удержать за собою занятые ими позиции. Левая колонна отряда генерала Ренненкампа под начальством генерала Петерева у дер. Ходигоу завязала ожесточенный бой; на поддержку ей командир 3-го корпуса из дер. Каотайдзы выдвинул два батальона с шестью горными орудиями. Отвлеченные в эту сторону, японцы пока оставляют нас в покое, и, хотя наше присутствие у них в тылу и должно их беспокоить, ограничиваются тем, что выставляют против нас заслон из двух рот, занявших правый берег реки у переправы и завязавших с нами оживленную перестрелку. Таким образом, все значение нашего отряда сводится к наблюдательной, чисто пассивной роли. От наших разъездов получены сведения, что им удалось в нескольких пунктах порвать неприятельский телеграф.

⁸ По причинам, оставшимся мне неизвестными, орудия так и не вернулись к нам до конца боя.

– Поезжайте в Уянынь, разыщите генерала Ренненкампа и доложите о том, что происходит здесь, – приказывает мне генерал Любавин, – просите генерала прислать сюда хоть батальон с двумя орудиями – с этими силами Бенсиху можно взять сегодня же... У меня же всего и полутораста винтовок нет, с этим и удержаться здесь будет трудно, если японцы вздумают нас прогнать...

Скорей, скорей... Не может быть, чтобы генерал не дал подкреплений, а тогда Бенсиху наше... У японцев там силы совсем незначительные, иначе они не оставили бы нас свободно сидеть у себя в тылу... Подкрепления к ним также подойдут не скоро – телеграф всюду порван...

Такие мысли быстро проносятся у меня в голове, когда, пригнувшись к шее моего коня, широким наметом по выющейся у самой воды дороге я скачу в деревню Уянынь. Мне надо пройти около 7 верст, и, желая сберечь время и силы коня, я выбрал кратчайшую дорогу по самому берегу реки... «Дзыть...» – резко рассекая воздух, просвистала пуля. «Дзыть-дзыть», – еще и еще... Японцы с противоположного берега увидели меня и, вероятно, решив по крупной фигуре моего коня, что скачет офицер, может быть, с важным поручением, открыли по мне одиночный огонь. «Убьют или еще хуже – смертельно ранят, свалишься и останешься лежать здесь, и никому и в голову не придет искать по этой дороге... Да и донесение не дойдет...» – мелькают в голове беспокойные мысли. Но поворачивать на другую дорогу поздно, да и стыдно как-то перед самим собою; толкаю коня и несусь далее, стараясь возможно скорее выйти из обстреливаемого пространства. Реже и реже свистят пули, и вскоре я вне выстрелов...

Не доезжая деревни Уянынь, переправляюсь вброд и иду разыскивать генерала Ренненкампа. На правом берегу реки оживленное движение: по дороге едут ординарцы, несут раненых. У подошвы хребта, несколько в стороне от дороги, на гаоляновом поле расположился какой-то батальон; ружья составлены в козлы, люди отдыхают, сидя или лежа на земле. У впадающего в Тайдзихэ горного ручья близ группы из нескольких скорченных старых дубов виднеется значок Красного Креста – там расположился перевязочный пункт. Впереди по всему хребту, не умолкая, слышится трескотня ружей, бухают орудия, тут и там вспыхивают дымки шрапнельных разрывов...

На вершине отдельной сопки под деревом сидит генерал Ренненкампф со штабом, следя за ходом боя. Выслушав мой доклад и просьбу генерала Любавина о подкреплениях, генерал Ренненкампф грустно разводит руками:

– Ничего сделать не могу... Ни одного человека отсюда на левый берег Тайдзихэ без разрешения переправить теперь не могу. Буду телеграфировать об этом и просить разрешения начальства. Пока пусть генерал Любавин держится до последней крайности, охраняя наш фланг и ведя разведку. Скажите генералу, что я прошу доносить возможно чаще о том, что делается у японцев...

Сажусь на коня и еду обратно, на этот раз уже выбирая более дальнюю, безопасную дорогу. К чему теперь спешить? Я знаю, что меня там ждут с верою в поддержку, что там считают минуты, когда могут подойти подкрепления, я сознаю, что ответ, который я везу, будет для всех горьким неожиданным разочарованием, и я невольно оттягиваю тяжелую минуту.

Вот и деревня Даудиншань. Через долину в небольшом отладке стоят наши коноводы. Тут же близ дороги расположился и перевязочный пункт; раненых в данную минуту нет... Фельдшер кипятит в котелке воду, доктор отдыхает, сидя с папироской в зубах, поджавши ноги, на земле. У самой дороги лежит на спине накрытый серою шинелью труп убитого казака; из-под шинели торчат лишь ноги в стоптанных порыжелых казачьих «ичиках».

– Удивительный случай, – обращается ко мне доктор, – первый раз за всю мою практику... Излетная пуля ударила в левую половину груди, в область сердца, и даже не разрушила наружные покровы – всего небольшой кровоподтек, а человек мертв...

Он откидывает с убитого шинель, отворачивает рубаху и показывает мне рану – маленький, с серебряный пяточок, кровоподтек под самым левым соском. Несчастный, посланный куда-то с донесением, желая сократить расстояние, сунулся, как и я сегодня, по злосчастной береговой дороге и был убит дальней излетной пулей. Я вглядываюсь в него: смерть, по-видимому, последовала мгновенно, и молодое безусое лицо с полуоткрытыми глазами не выражает никакого страдания; оно спокойно, как у безмятежно заснувшего человека, и лишь побелевшие губы да неподвижная окоченелость тела показывают, что здесь лежит бездыханный труп.

Генерал Любавин спокойно выслушивает мой доклад.

– Японцы пока нас оставляют в покое, но на ночь нам, вероятно, придется отойти, – говорит генерал, – позиция здесь плохая, люди и лошади с утра не ели... Поезжайте к генералу Ренненкампу и передайте, что я прошу разрешения на ночь отойти на 5 верст назад, в деревню Даюйну.

Поворачиваю коня и в третий раз сегодня возвращаюсь в Уянынь. Солнце склонилось к закату, в воздухе потянуло вечерней свежестью. День близится к концу, и бой продолжается, не давая нам, по-видимому, существенного успеха. Издали прислушиваюсь к непрерывной трескотне ружей и глухим выстрелам орудий, тщетно надеясь догадаться по ним о том, что совершается там, на правом берегу реки.

У въезда в Уянынь встречаю генерала Ренненкампа; он верхом возвращается со штабом с передовых позиций. Генерал разрешает отойти на ночь нашему отряду в деревню Даюйну с тем, чтобы до рассвета мы выдвинулись вновь на сегодняшние места.

Усталый конь мой идет лениво, мне приходится его непрерывно подталкивать; я спешу до полной темноты достигнуть генерала Любавина. Солнце скрылось за горы, закат быстро бледнеет, и темные тени ползут по небосклону. Одна за другою загораются далекие бледные звезды. Густой туман подымается над рекой и стелется по долинам, охватывая вас пронизывающей холодной сыростью. Перестрелка постепенно стихает, орудийных выстрелов почти не слышно, и последние шрапнели вспыхивают на небе, как фейерверки, красными яркими огоньками...

В полной темноте наш конный отряд достигает деревни Даюйну, где и располагается на ночлег.

Длившийся у генерала Ренненкампа целый день бой окончился безрезультатно, и в руках противников остались все перевалы и наиболее возвышенные, господствующие над местностью сопки. Упорная оборона японцами занятых ими позиций и наш неуспех 26 сентября заставляли нас действовать особенно осмотрительно, а полное отсутствие мало-мальски точных карт не позволяло двигаться далее, не обрекогносцировавши впереди лежащую местность. В силу этих соображений начальник восточного отряда решил 27-го числа отряду оставаться на занятых местах и этот день употребить на рекогносцировку неприятельских передовых позиций с целью выяснить подступы и обходные пути к ним.

IV

Задолго до рассвета поднялся 27 сентября наш конный отряд и двинулся для занятия вновь оставленных накануне позиций. Ночью от наших разъездов были получены сведения, что к неприятелю в Бенсиху подошли значительные подкрепления⁹, и являлось опасение, что сегодня неприятель постарается нас оттеснить. Однако мы достигли беспрепятственно деревни Даудиншань и, никем не тревожимые, заняли оставленные накануне позиции. По-видимому, подошедшие ночью к неприятелю подкрепления были еще не настолько значительны, чтобы позволить противнику, не ослабляя себя с фронта, предпринять против нас активные действия

⁹ В эту ночь в Бенсиху прибыли 3 батальона и 1 горная батарея 12-й дивизии Шамимур.

и воспрепятствовать нам угрожать его флангу и тылу. Вера в успех еще не покидала нас, и надежда на подкрепления все еще жила в наших сердцах...

Бледный рассвет медленно наступал. Резкая предрассветная свежесть пронизывала насквозь, зуб не попадал на зуб, мы продрогли до костей и с нетерпением ждали первых лучей солнца. Вскоре наши передовые цепи завязали с охранявшими мост на Тайдзихэ японцами редкую перестрелку. На той стороне реки, у генерала Ренненкампа, тоже завязалось дело... Постепенно окончательно рассвело, потянул ветерок, и стоявший над водою густой пеленою белый туман медленно рассеялся. Мы вновь увидели лежащую под нами широкую долину, мост на реке, мелькавшие вдаль крыши деревни Бенсиху, высокий скалистый, занятый японцами хребет... В расположении противника за ночь произошли кое-какие перемены: кроме замеченных нами накануне двух орудий японцы поставили сегодня еще четыре, несколько севернее Бенсиху, за хребтом близ дороги на Хуанлинский перевал; вскоре к трескотне ружей и редкому буханью орудий примешалось напоминающее издали шум швейной машинки стуканье пулеметов – все показывало, что ночью противник значительно усилил оборону своих позиций.

О замеченных у неприятеля переменах генерал Любавин тотчас же донес генералу Ренненкампу. Так как по видимым отсюда разрывам посылаемых генералом Ренненкампом японцам шрапнелей видно было, что все усилия его артиллерии нащупать батареи противника оставались тщетными, генерал Любавин приказал мне нанести кроки неприятельских позиций с обозначением расположения видимых отсюда орудий и доставить их генералу Ренненкампу, дабы по ним могла ориентироваться его артиллерия.

Взяв двух казаков, я пополз на высокую, выдающуюся мысом в реку скалистую сопку, откуда особенно хорошо должен был быть виден противоположный, занятый японцами берег реки. Оставаясь второй день в тылу неприятеля, им совсем не тревожимые, мы настолько освоились с этим положением, что подчас забывали всякую осторожность. Желая скорее достигнуть вершины сопки, мы шли по вьющейся по самому гребню кряжа горной тропинке, нисколько не скрываясь, совсем забыв, что находимся на расстоянии ружейного выстрела от японцев. Наше нахальство не замедлило быть наказанным; выцелив нас хорошенько, несколько японцев дают залп... Я слышу близко, над самым ухом, зловещий свист, точно рассекли воздух бичом, и идущий со мною рядом казак, вскрикнув, хватается за щеку и сразу приседает. Я также бросаюсь ничком на землю.

– Что, брат, ранен? – осведомляюсь я.

Тот отымает от лица руку, крови нет; но через всю щеку идет кровяно-красный рубец...

– Пустяки, контузило; дешево отделался, – утешаю я, и, наученные хорошим уроком, мы поднимаемся далее уже осторожно; скрываясь за кустами, местами ползком.

Вот и вершина горы. Укрывшись в кустах, лежа на земле, я смотрю в бинокль. На ясной синеве неба резко выделяется зубчатый гребень занятого японцами хребта; как на ладони видны на склоне неприятельские орудия и ниже их отъехавшие передки. У подошвы хребта, в долине маленькой речки, впадающей в Тайдзихэ и протекающей через деревню Бенсиху, видны расположившиеся на берегу две роты – это резервы. Я быстро заново кроки. Один из казаков просит у меня бинокль и, пока я рисую, наблюдает за японцами.

– Ваше высокоблагородие, глядите – вон там на сопке много их видно, – указывает он на резко выделяющуюся острую сопку Лаутхалаза, командующую над всею окружающею местностью.

Я беру бинокль и смотрю в указанном направлении: от острого шпиля сопки потянулся на запад пологий гребень с вьющейся по нему дорогой, ведущей зигзагами на вершину горы. Черной змейкой вытянулась по дороге, поднимаясь в гору, колонна японцев – за дальностью расстояния трудно определить, сколько их здесь, – я думаю, не менее батальона...

Кроки окончено, мы спускаемся с горы к генералу Любавину, и я, сев на коня, везу кроки генералу Ренненкампфу в деревню Уянынь.

Шестой уж раз за эти два дня приходится мне проезжать семь верст, разделяющие деревни Даудиншань и Уянынь. Конь мой успел хорошо изучить эту дорогу и идет уверенно широкой, размашистой рысью... Вот и деревня Уянынь. У переправы, по эту сторону реки, видны какие-то люди. Подъезжаю ближе и ясно различаю серые фигуры наших стрелков.

«Неужели подкрепление? Слава Богу. Наконец-то... Еще не поздно; успех еще может быть на нашей стороне...» Но меня ждет горькое разочарование. Стрелки оказываются из отряда полковника Дружинина, высланного накануне вечером на левый берег Тайдзихэ... лишь для охраны переправы у Уяныня...

Переправляюсь через реку и еду отыскивать генерала Ренненкампфа. Вскоре замечаю группу офицерских лошадей; генерал Ренненкампф со штабом, оставив коней в долине, поднялся в сопки на позицию. Слезая с коня и, отослав вестового с лошадьми в Уянынь, поднимаюсь в гору. Около часу приходится мне лезть на сопку по едва видимой, местами почти теряющейся козьей тропе. Солнце поднялось высоко, лучи его с ясного безоблачного неба падают почти отвесно и жгут, как в июле. Я обрываюсь, скольжу, падаю и обливаюсь потом... Наконец и вершина горы. Генерал, окруженный офицерами штаба, лежа на траве, рассматривает карту, слушая объяснения начальника 71-й пехотной дивизии генерала Экка.

– Благодарю вас, – выслушав меня, говорит генерал, – эти кроки очень пригодятся. Отнесите их, пожалуйста, генералу хану Алиеву, начальнику артиллерии. Вы найдете его там, в долине, у батареи, к северу от деревни Уянынь.

Едва переводя дух, снова иду, скользя, срываясь и обливаясь потом, на этот раз уже под гору. В долине к северу от деревни Уянынь, у подошвы высокой скалистой сопки среди скошенного гаолянового поля, расположилась батарея; она прекрасно маскирована снопами гаоляна, и ее издали совсем не видно. В стороне от дороги, ведущей из деревни Уянынь в деревню Иогоу, за группой из нескольких фанз стоят отъехавшие передки. Начальник артиллерии генерал хан Алиев с вершины скалистой сопки за батареей управляет посредством телефона огнем артиллерии. Японцы, обнаружив, по-видимому, несмотря на прекрасную маскировку, наши орудия, жестоко обстреливают ближайшую площадь долины артиллерийским огнем; то и дело вокруг батареи гудят и рвутся их снаряды, визжит, рассекая воздух и взбивая пыль на гаоляновом поле, шрапнель.

Лихо работают наши артиллеристы под огнем противника; беспрестанно бухают наши орудия, посылая японцам шрапнель, разрывы которой ясно обозначаются вспыхивающими белыми облачками дыма над занятым японцами хребтом...

Я передаю начальнику артиллерии сделанные мною кроки, и генерал, переговорив по телефону с командиром батареи, приказывает мне отнести эти кроки на батарею. Спускаюсь с сопки и, выждав минуту, когда японский огонь на мгновение ослабевает, спешу перейти отделяющее меня от наших орудий открытое пространство. Артиллерийские ровики хотя и прикрывают прислугу от губительного огня японцев, но все же за эти дни батарея понесла крупные потери, и большая часть офицеров и нижних чинов выбыла из строя; раненый командир батареи, с подвязанной рукой, встречает меня очень любезно.

– Ну, теперь мы зададим им перцу, а то жарят черт их знает откуда, – весело говорит он.

Я едва успеваю передать ему кроки и сказать несколько слов, как японцы вновь усиливают огонь. Резко гудя, несется, приближаясь к нам, снаряд. «Попадет или нет?» – быстро прорезывает мозг жуткая мысль. С сухим ясным звуком рвется снаряд, и, рассекая воздух, визжит шрапнель, заставляя меня инстинктивно зажмуриться... «Не попали... Слава Богу, все целы...» – вырывается облегченный вздох, но снова несется снаряд, и снова тяжелое чувство ожидания чего-то неизвестного и страшного заставляет усиленно биться сердце... Японцы выпустили очередь. – «Первое», – раздается команда, и, ярко сверкнув и заставив вздрогнуть

тяжелое тело орудия, гремит выстрел, и через несколько секунд над занятым японцами хребтом вспыхивает белое круглое облачко. – «Второе». – И снова гремит выстрел, и несется снаряд, внося смерть и страдание там, где, укрывшись в высоких скалах, засел маленький неприступный враг...

Мои кроки приносят пользу: наша артиллерия скоро нащупывает батарею противника. Несладко приходится, по-видимому, японцам, их артиллерийский огонь постепенно слабеет, и наши орудия получают возможность перенести огонь на сопку Лаутхалаза, которую в это время атакует со стороны деревни Каотайдзы соседний 3-й корпус.

Я направляюсь пешком в Уянынь, где ждет меня моя лошадь. В ожидании меня мой вестовой раздобыл где-то кипятку и угощает меня чаем с сухарями. Я с утра ничего не ел и с удовольствием выпиваю две кружки ароматной влаги. По дороге со стороны деревни Каотайдзы едет верхом стрелковый офицер с двумя нижними чинами; он подъезжает ко мне и представляется:

– Поручик фон Ланг, разведчик при третьем корпусе. Вы из отряда генерала Любавина? Ну, что у вас там делается?

Я предлагаю поручику кружку чая и рассказываю то, что видел за последние дни.

– Вы не поверите, как это обидно, – говорит фон Ланг. – Я сейчас из Каотайдзы, из третьего корпуса, – мы атакуем сопку Лаутхалаза, ту самую сопку, у которой вы видели подходящие японские подкрепления. Эта сопка, командующая над всею местностью, еще вчера была свободна от неприятеля; на нее поднимался офицер из нашего штаба с двумя казаками. Несмотря на очевидное свое значение, сопка не была занята нами, не была использована ни как опорный, ни как наблюдательный пункт.

Японцы скоро спохватились – к вечеру я наблюдал уже, как человек двадцать их рыли там окопы, о чем и донес командиру корпуса. Однако донесению моему не придали значения – Лаутхалаза нами не занималась, и мы продолжали спокойно стоять под нею биваком, точь-в-точь как на мирных маневрах. Сегодня ночью наша охотничья команда выбила японцев и заняла сопку, но к утру, никем не поддержанная и не имея патронов, должна была отойти... Теперь же для занятия Лаутхалазы и полка будет мало. И здесь опоздали... – грустно заканчивает свой рассказ фон Ланг.

Я прощаюсь с ним и еду назад к генералу Любавину. Жгучее чувство горечи, вызванное только что слышанным рассказом очевидца, охватывает меня. Впервые за эти дни я чувствую веру в наши силы поколебленной, я начинаю сомневаться в нашем непреложном успехе. Второй день длится бой, не давая нам успеха, второй день мы, пренебрегая всеми преимуществами нашего исключительно благоприятного положения, упорно пытаемся взять в лоб неприступные позиции противника. Минувшею ночью к Бенсиху подошли подкрепления японцев, сегодня ночью неприятель, несомненно, усилится еще, и, может быть, завтра роли переменятся. «И здесь опоздали», – вспоминаются мне только что слышанные слова.

У генерала Любавина я нахожу все без перемен. Отряд занимает у деревни Даудиншань те же позиции, оставаясь по-прежнему в пассивной роли наблюдателя. Передовые цепи вяло перестреливаются с японцами, охраняющими мост на реке. На ночь генерал Любавин собирается, как и вчера, отойти в Даюйну с тем, чтобы с рассветом вновь занять позиции у деревни Даудиншань. Мне приказано опять отправляться в Уянынь к генералу Ренненкампфу доложить о действиях на сегодняшний день нашего конного отряда; в Уяныне я должен оставаться на ночь с тем, чтобы с рассветом доставить на позицию к деревне Даудиншань патроны, в которых начинает ощущаться недостаток.

Я приезжаю в Уянынь уже в полную темноту и являюсь генералу Ренненкампфу, последний предлагает мне переночевать в занимаемой им и его штабом фанзе. Поужинав любезно предложенной мне генералом холодной курицей и чаем с сухарями, я располагаюсь на кане на ночлег. Большинство офицеров штаба уже спят, вытянувшись рядом на широком кане, накрыв-

шись кто буркой, кто офицерской шинелью. Не спят лишь генерал Ренненкампф и его начальник штаба; склонившись над разложенной на столе картой, освещенной вставленным в бутылку огарком, генерал диктует какие-то приказания. Долго еще сквозь сон доносится до меня его отрывистый характерный голос.

V

В 5 часов мы уже на ногах; на 28-е приказано восточному отряду атаковать ряд перевалов, занятых противником, и генерал спешит на позиции. Мы садимся пить чай, когда в дверях показывается широко улыбающаяся фигура вестового генерала, Якова.

– Ваше превосходительство, японца пленного привели, – радостно докладывает Яков.

Мы выходим во двор. Два стрелка привели пленного японца; маленький, безусый, почти мальчик, японец кажется особенно тщедушным по сравнению с крупными фигурами стрелков. Он без фуражки, в аккуратном черном суконном мундире, ноги обуты в легкие гетры; вокруг пояса обмотана тонкая бечевка, конец которой держит один из стрелков: «Чтобы не убежал», – добродушно поясняет конвойный. Японец, видимо, робеет, беспрестанно кланяется всем корпусом, держа руки вытянутыми вдоль тела, и бормочет что-то непонятное... Желая ободрить пленного, генерал ласково похлопывает его по плечу и предлагает ряд вопросов через китайца-переводчика. Японец по-китайски знает лишь немногим больше нашего; нам удастся узнать, что ночью, сидя в секрете, он сорвался с сопки и сильно разбился, пролежав без памяти до утра, когда был подобран нашими стрелками. О количестве и расположении своих войск он ничего не знает.

Оставив японца под караулом и приказав накормить, генерал со штабом отправляется на позиции, а я с тремя казаками и двумя мулами под патронными вьюками еду к генералу Любавину.

Генерал Любавин занимает старые позиции у деревни Даудиншань; я нахожу его близ коноводов пьющим с несколькими офицерами чай. В маленькой глухой падинке, где укрылись коноводы, разложен костер из сухого гаоляна; в большом металлическом чайнике, подвешенном над огнем, кипит вода. Вокруг костра в разнообразных позах человек пять офицеров пьют чай из эмалированных металлических кружек, закусывая черными сухарями. За ночь японцы, по-видимому, еще укрепили свои позиции. На высокой сопке к югу от Бенсиху с нашего наблюдательного поста замечены работающие люди – вероятно, роются окопы, может быть, устанавливаются орудия.

– Ну, сегодня японцы нас здесь в покое не оставят, – основательно замечает кто-то из офицеров.

На правом берегу реки слышна сильная оружейная канонада – это начинается артиллерийская подготовка назначенной к 12 часам дня общей атаки восточного отряда. В 9 часов получается от генерала Ренненкампфа известие, что на поддержку нас направляется генерал Самсонов с девятью сотнями сибирских казаков и четырьмя орудиями. Как это ни кажется странным, известие о подкреплениях встречается всеми без особой радости; то, что вчера еще вызвало бы всеобщее ликование, сегодня принимается довольно безразлично; все знают, что японцы за эти дни усилились, что отныне Бенсиху не столь беззащитна, как два дня тому назад, когда мы пришли сюда впервые, все чувствуют, что благоприятный момент уже упущен¹⁰.

Вскоре от генерала Самсонова приезжает казак с донесением; сообщая о своем подходе, генерал Самсонов просит выслать ему навстречу офицера, хорошо знакомого с местностью.

¹⁰ Генерал Ренненкампф еще 26 сентября просил генерала Иванова (командира 3-го корпуса) сменить часть своих сил войсками 3-го корпуса, дабы самому поддержать генерала Любавина на левом берегу р. Тайдзихэ. Генерал Иванов не признал возможным исполнить эту просьбу.

Генерал Любавин назначает меня. Еду по направлению деревни Уянынъ, откуда подходит генерал Самсонов, и в долине, у деревни Даюйну, встречаю его отряд; спешенные сотни стоят близ дороги; небольшая группа офицеров окружает высокого плотного есаула, без фуражки, с обвязанной марлей головой. Оказывается, что назначенный в проводники к генералу Самсонову казак сбился с пути и повел отряд береговой, обстреливаемой японцами дорогой. Едва головная сотня вошла в обстреливаемое пространство, как японцы с противоположного берега открыли горячую стрельбу, и один офицер, два казака и несколько лошадей были ранены. Генерал Самсонов, свернув с дороги и спешив отряд, сам со штабом поднялся на высокую сопку, дабы осмотреть окружающую местность. Я являюсь генералу, который подробно расспрашивает меня о положении отряда генерала Любавина и о сведениях, имеющихся у нас о японцах. Красивая, спокойная фигура генерала и приятный голос располагают к себе. В предлагаемых генералом вопросах чувствуется спокойная обдуманность, видно желание всесторонне осветить каждый факт.

Пройдя вдоль хребта на перевал и убедившись в невозможности для тяжелых полевых орудий двигаться далее, генерал решает: артиллерии оставаться здесь, на перевале, казакам же, кроме одной сотни, оставленной в прикрытие орудий, двигаться вперед, на усиление отряда генерала Любавина. Выбранная артиллерийская позиция очень удобна; отсюда представляется ряд видимых целей, является возможным обстреливать на значительном протяжении занятый японцами хребет, мост на Тайдзихэ и самую деревню Бенсиху, до которой около 6 верст. Начальник артиллерии выражает сомнение в возможности поднять орудия на перевал.

– Ничего, попробуем, только разрешите, ваше превосходительство, – просит есаул Егоров, молодой офицер, причисленный к Генеральному штабу и состоящий при генерале.

– Ну, братцы, постарайтесь. Эй, дубинушка, ухнем! – весело подбадривает казаков Егоров, сам впрягшись в орудие, и менее чем через 10 минут орудия на веревках втянуты на гору.

Подкрепленный подошедшими сибирцами, генерал Любавин делает попытку продвигнуться вперед; он встречен бешеным огнем японцев, прикрывающих мост на реке. Два японских орудия, установленных сегодня ночью на высоте к югу от Бенсиху, поддерживают свои передовые части, осыпая казаков шрапнелью. Несколько снарядов попадают в коноводов. Генерал Любавин принужден отойти назад, заняв хребет к югу от деревни Даудиншань. Японцы, перейдя в наступление, преследуют его и, переправившись через реку, занимают оставленные казаками прежние позиции.

Я с остальными офицерами штаба генерала Самсонова нахожусь при нем на артиллерийской позиции, откуда наши орудия ведут непрерывную стрельбу по занятым японцами высотам на правом берегу реки. Заметив переправляющуюся через реку колонну японцев, артиллерия переносит свой огонь на мост. «Буух-буух», – гремят орудия, и через секунду почти одновременно вспыхивают под мостом два белых круглых облачка разорвавшихся шрапнелей... Быстро, бегом двигаются по мосту маленькие черные фигурки – точно муравьи бегут по стебельку травы, быстро перебегают они открытое пространство, спеша скрыться за острым скалистым мысом. Вот одна шрапнель разорвалась над самым мостом, в бинокль видно, как на мгновение маленькие черные фигурки столкнулись и смешались, но тотчас же в полном порядке быстро побежали далее и одна за другой скрылись за уступом горы.

На правом берегу реки артиллерийская стрельба достигла своего апогея; орудия гремят непрерывно, грохот выстрелов подчас сливается в общий раскат – начинается атака японских позиций. Прямо против нас, на противоположном берегу реки, высится занятая японцами сопка. В бинокль ясно можно различить венчающие ее гребень неприятельские окопы. У подножия сопки видны наступающие перебежками наши пехотные цепи. Быстро карабкаются в гору маленькие серые фигурки стрелков, осыпаемые сверху из занятых японцами окопов градом пуль. Все выше и выше ползут они, цепляясь за каждый куст, за каждый выступ камня... Одни падают и остаются лежать серым пятном на желтом, песчанистом склоне горы,

другие лезут дальше, скользят, обрываются и падают, встают и лезут вновь, все выше и выше, под градом несущихся им навстречу пуль...

Быстро пристрелявшись, наши два орудия открывают беглый огонь по занятым японцами окопам. Один за другим гремят выстрелы, и белые облачка беспрестанно вспыхивают над вершиной сопки; в бинокль ясно видно, как шрапнель, осыпая окопы, взбивает серо-желтую пыль. Один за другим рвутся над сопкою наши снаряды, но, несмотря на жестокий огонь, японцы держатся отчаянно, крепко засев в окопах, ни на мгновение не прекращая бешеный огонь.

Выше и выше ползут маленькие серые фигурки наших молодцов – теперь они уже совсем близко от вершины горы, настолько близко, что наша артиллерия должна, из опасения поразить своих, прекратить огонь. Залегши за небольшой каменистой грядой, наши стрелки готовятся к последнему удару; один за другим подползают отставшие, накапливаясь маленькими группами за разбросанными по склону горы камнями. Японцы, высунувшись по пояс из окопов, поражают наших почти отвесным огнем.

Забыв весь окружающий мир, с захватывающим неизъяснимым чувством, не имея сил оторвать биноклей от глаз, следим мы за героической борьбой на противоположном берегу реки. Все взоры впились в одну маленькую скалистую вершину, где горсть наших храбрецов ведет последнюю ожесточенную борьбу, борьбу между жизнью и смертью. Всем существом в эту минуту переносишься туда, до боли страдая в бессилии им помочь.

Оправившись и собравшись с силами, стрелки бросаются, чтобы нанести последний удар. Сперва из-за камня выскакивает одна серая фигурка – это офицер – видно, как блещет обнаженная шашка, затем сразу целая горсть фигур, спеша и обгоняя друг друга, бросается в гору, быстро ползет на вершину сопки... От волнения бинокль трясется в руках, в глазах что-то мелькает и рябит...

Выстрелы японцев сливаются в один общий непрерывный треск... Но что это? Маленькие быстрые фигуры сразу остановились... Офицера впереди уже нет, на том месте, где он находился, виднеется лишь маленькое неподвижное серое пятнышко на желтом склоне горы... и вдруг сразу серые фигурки повернули и быстро побежали вниз, спеша и обгоняя друг друга. Одна, другая, третья падают и остаются лежать неподвижно, и скоро по всему склону горы остаются неподвижные серые пятнышки. Наша атака отбита...

Бой на правом берегу реки постепенно замирает. Сумерки медленно спускаются на землю, и на темнеющем небосводе одна за другой загораются далекие звезды. Последние шрапнели изредка вспыхивают яркими фейерверками на темном фоне неба. Кое-где еще слышна ружейная трескотня...

Мы оставляем с генералом перевал и спускаемся к деревне Даюйну, чтобы поужинать и выспаться несколько часов.

Несмотря на выдающуюся доблесть войск Восточного отряда, атака 28 сентября не увенчалась успехом; выбить японцев с перевалов не удалось. Генерал Штакельберг отдает приказание в 4 часа атаку возобновить¹¹.

VI

Подкрепленные несколькими часами сна, мы в два часа ночи уже находимся на нашей артиллерийской позиции. Нас охватывает темнота холодной осенней ночи. Миллиарды звезд слабо мерцают на темном далеком небосводе. Длившаяся всю ночь горячая перестрелка теперь

¹¹ Позднее приказание это было отменено. Тем не менее части отряда генерала Ренненкампа атаковали в ночь с 28-го на 29-е ряд перевалов к юго-западу от деревни Ходигоу, где и имели частичный успех. У нас говорили, что приказание об отмене назначенной в 4 часа ночи атаки было сообщено ген. Ренненкампу тогда, когда части его отряда были двинуты уже и атаку. Не знаю, насколько эти слухи были справедливы.

смокла, и все тихо по ту сторону реки. Изредка стукнет вдали одиночный выстрел, и снова все погрузится в прежнюю глубокую тишину...

Но вот в ночной мгле резко грянул близкий ружейный выстрел. Еще и еще... И сразу беспокойно загрела ружейная трескотня, часто застукали пулеметы... Звук выстрелов слился в один общий непрерывный треск... И вдруг страшный, отчаянный крик пронесся в темноте и, постепенно растя и возвышаясь, заполнил собою тишину ночи.

– Атака, – вслух замечает кто-то из нас.

Многие снимают фуражки и крестятся. Молча, напряженно вглядываясь в ночную мглу, слушаем мы, стараясь догадаться о том, что происходит там – впереди нас. Там трещат выстрелы, стучают пулеметы, и, покрывая все, несется крик «ура», неудержимый, стихийный и страшный... И слышатся в этом крике и вопль отчаяния, и торжествующий клик победы, и предсмертный страдальческий стон...

И подобно тому как родился и вырос в темноте ночи этот стихийный, ужасный крик, так и умирает он, слабея и тая. Пронесется последние раскаты и отдаются эхом в далеких долинах гор... Умолкает беспокойная стукотня пулеметов... Ружейная перестрелка слабеет... Атака кончена. Чем завершилась она? Удалось ли нам занять неприступные скалистые гребни, героически обороняемые храбрым врагом, или, усеяв склоны гор телами наших павших храбровцев, мы отошли, разбитые и усталые, дабы собраться со свежими силами для новой борьбы? Безмолвная ночная тишина не дает нам ответа.

В 6 часов утра от генерала Ренненкампафа получается донесение, что атака частей его отряда имела лишь частичный успех; удалось занять лишь несколько сопков и между прочим ту, геройскую атаку которой нашими стрелками мы наблюдали вчера.

Бледный рассвет медленно наступает. Потянул легкий ветерок, и густой белый туман, стоявший над рекою, рассеялся. На противоположном берегу реки, у подножия высокой сопки, виднеются какие-то сомкнутые пехотные части. Вершина сопки занята сегодня ночью нами, и в бинокль ясно видны роющиеся за гребнем серые фигуры наших стрелков. Весь склон горы усеян телами раненых и убитых, павших в сегодняшнем ночном деле. Одни лежат неподвижно, другие, приподнявшись, в разнообразных позах ожидают помощи. В нескольких местах видны спускающиеся по склону группы людей – несут раненых. А вот над распростертым телом наклонилась серая фигурка с едва видимой отсюда беленькой полоской на рукаве – это фельдшер перевязывает раненого...

Впереди нас, со стороны Бенсиху, гремит орудийный выстрел. Гудя, приближается к нам снаряд. Ближе и ближе... Не долетев до наших орудий, снаряд ударяется в землю, подняв столб черного густого дыма...

– Шимоза... Пристреливаются к нашей батарее, – замечает старший адъютант штаба дивизии подполковник Посохов.

Опять впереди гремит выстрел, и перелетевший снаряд падает за батареей, недалеко от стоящих под перевалом передков. Японцы быстро пристреливаются и открывают стрельбу по нашим орудиям залпами. Один за другим рвутся над перевалом их снаряды, пока еще не поражая наших артиллеристов. Мы отвечаем, посылая шрапнель за шрапнелью...

От высланных на юг наших разъездов начинают поступать одно за другим донесения, что замечены значительные подкрепления, подходящие к противнику со стороны Сихеяна¹². Скоро выясняется и сила этих подкреплений – около бригады. Генерал Любавин, теснимый с фронта и угрожаемый с фланга, медленно отходит. Японцы вскоре занимают оставленный им гребень. Их артиллерия, поддерживавшая наступление против генерала Любавина и временно прекратившая обстреливание наших орудий, вновь переносит свой огонь на нашу батарею... Сразу несколько снарядов рвутся над перевалом... Заметив отход генерала Любавина, решает

¹² То подходила из Чаотао конная бригада японского принца Канина.

отойти и генерал Самсонов. Быстро, но без суеты подбегают казаки к орудиям и на веревках начинают спускать их с перевала. Несколько облачков дыма вспыхивают над батареей, резко рассекая воздух и взбивая сухую землю, свистит шрапнель, но казаки не торопясь продолжают свое дело. Стоя на перевале, генерал Самсонов отдает приказания...

На правом берегу реки бой достиг крайнего напряжения. Выстрелы гремят непрерывно, белые облачка шрапнельных разрывов беспрестанно вспыхивают над гребнем. Неоднократные яростные атаки отряда генерала Ренненкампфа отбиты с громадными потерями, лишь крайнему левому флангу его удается сильно продвинуться берегом реки вперед. Отход нашего конного отряда ставит атакующие части в крайне тяжелое положение, давая возможность подошедшим японским подкреплениям поражать с левого берега р. Тайдзихэ войска генерала Ренненкампфа не только с фланга, но и с тыла¹³. Генерал Ренненкампф должен оставить занятые с боя позиции и также отходить. Цепи, занимающие гребень высокой сопки на берегу реки, отходят, и в бинокль ясно видно, как сразу склон сопки покрывается спускающимися фигурками; быстро, быстро сбегает эти фигурки, оставляя за собою ряд неподвижных пятен – тела раненых и убитых товарищей. Японцы провожают их ожесточенной беспорядочной стрельбой...

Орудия спущены с перевала, взяты на передки, и мы рысью отходим. Несколько снарядов падают позади нас на дороге, не причинив нам вреда. Отойдя версты на 3 за деревню Сягу-усяндзы, орудия снимаются с передков и, расположившись среди гаолянового поля, открывают стрельбу, обстреливая гребень, откуда мы недавно отошли и где теперь виднеются пехотные цепи противников.

Со стороны деревни Уянынь подъезжает группа всадников. Впереди виднеется характерная плотная фигура генерала Ренненкампфа на крупном гнедом коне; сзади следуют офицеры его штаба. Подъехав к батарее, генерал Ренненкампф спешивается и, отойдя в сторону с генералом Самсоновым, с ним долго о чем-то совещается. Офицеры штаба ожидают, расположившись поодаль. Мы молчим, мы боимся признаться в ужасной истине, но в глубине души каждый из нас уже сознает, что все надежды разбиты, что это есть начало конца, что дело окончательно проиграно...

Японцы довольствуются тем, что заняли вновь потерянные ночью позиции и, оттеснив наш конный отряд, обеспечили свой фланг и тыл; они остаются против генерала Ренненкампфа на занятых ими высотах. Истощенные рядом предшествовавших атак, мы отказываемся от наступательного образа действий и переходим к обороне. Оба противника остаются друг против друга, ведя горячую орудийную и ружейную перестрелку. В 5 часов вечера генерал Самсонов решает отойти к деревне Улунсунь, где и оставаться для прикрытия переправы через р. Тайдзихэ, против деревни Уянынь. Небо заволакивается тучами, начинает покрываться мелкий дождь. Деревня Улунсунь, маленькая и бедная, всего из трех-четырёх фанз, совсем разорена и покинута жителями. Я помещаюсь с некоторыми офицерами штаба генерала Самсонова в ветхой полуразрушенной фанзушке. Отказавшись от ужина, я устраиваюсь на кане, положив под голову седельную подушку и накрывшись с головой буркой. На душе тяжело и грустно, хочется забыться, уйти, хоть ненадолго, от тяжелой ужасной действительности. Но, несмотря на усталость, мне не удастся заснуть: в фанзе холодно и сыро, ветер дует сквозь многочисленные дыры в оклеивающей окна бумаге, беспрестанно входят и выходят с приказаниями ординарцы. В два часа ночи нас поднимают. Выдвинутое положение восточного отряда внушает опасения, и нам приказано на 30 сентября отходить на одну высоту с западным отрядом, который должен держаться на реке Шахэ. Генералу Самсонову приказано, двигаясь горной дорогой

¹³ Насколько отход конного отряда вызывался обстановкой, решить окончательно трудно. Могу лишь констатировать, что отряд отошел, понеся лишь самые ничтожные потери...

на деревни Иогоу – Чанхуанзай, в долину Сандзядза, прикрывать отступление левого фланга восточного отряда.

VII

В полной темноте мы выходим на двор и, сев на коней, трогаемся по построенному через Тайдзихэ отрядом полковника Дружинина мосту к деревне Иогоу. Небо заволочло черными тучами, сеет мелкий осенний дождь, ни зги не видно. Темные конные силуэты казаков едва обрисовываются в темноте. Мы двигаемся молча, слышно лишь чавканье копыт по глинистой грязи размокшей дороги. У маленькой кумирни близ деревни Иогоу мы останавливаемся и долго ждем чего-то, стоя на дороге. В темноте мимо нас бредут какие-то тени...

– Какой части? – спрашивает кто-то из нас.

– Читинского полка... Раненые... Куда полк-то наш ушел?.. Отбились мы... – доносится из темноты, и тени исчезают, расплываясь в ночной мгле...

Наконец трогаемся далее. Бледный серый рассвет медленно наступает; дождь продолжает моросить, и в предрассветной дождливой мгле все окрестные предметы кажутся какими-то серыми. По обе стороны дороги бредут отсталые и раненые... На скошенном гаоляновом поле, в том месте, где находился перевязочный пункт, виднеются какие-то серые фигуры. Их много, несколько сот, по обе стороны дороги. Накрытые намокшими серыми шинелями лежат рядами на размокшей глинистой земле тяжелораненые; другие, в разнообразных позах, сидят понуро на земле под мелким, сеющим, как сквозь сито, дождем. Всюду виднеются из-под намокших шинелей обмотанные белой марлей головы, забинтованные руки, ноги... То тут, то там раздаются тяжелые стоны, бессвязный страдальческий бред...

К генералу Самсонову подходит офицер в сопровождении доктора.

– Ваше превосходительство. Здесь четыреста раненых – не могли вывезти... Прикажете казакам взять, иначе придется бросить, – обращается к генералу дрожащим от волнения голосом офицер...

У самой дороги на плоском камне сидит раненый молодой солдат. Бледное, исстрадавшееся лицо, бессильно опущенные вдоль тела руки, вся поза выражают полный упадок сил; вытянутая нога с засученными выше колена шароварами обмотана широким марлевым бинтом. Раненый слышал просьбу офицера. Сколько безмолвной мольбы, сколько отчаяния во взгляде, которым он в ожидании рокового ответа смотрит на генерала. «Неужели откажет?.. Неужели бросят здесь – отдадут японцам?..» – читаю я в его широко открытых, полных страдания, мольбы и отчаяния глазах...

Генерал останавливает колонну и отдает приказание не двигаться далее, пока все раненые, до одного, не будут взяты. Мы спешиваем шесть сотен сибирцев; раненых более легко сажают на коней, других казаки несут. Далеко по дороге вытягивается наш печальный кортеж. Медленно, шаг за шагом, под мелким, часто сеющим дождем трогаемся мы в путь. Громко чавкая по глинистой грязи дороги, понуро идут кони под неуклюжими серыми фигурами раненых стрелков; подоткнув полы шинелей, бредут по грязи, неся тяжелораненых, казаки. Люди идут молча, слышатся лишь чавканье копыт да тяжелые стоны раненых...

Неизъяснимо-грустное чувство обиды охватывает нас. Сердце сжимается болезненной горечью унижения, слезы навертываются на глаза, сдавливают горло... Конец надеждам. Конец радужным светлым мечтам. Мы опять отступаем...

Дело под Шахэ было проиграно. Блестяще задуманная операция не удалась. Мы потеряли до 44 000 человек, из коих на долю Восточного отряда пришлось 14 000. Кого винить в постигшей нас неудаче? Кто виноват в том, что победа, столь близкая от нас, ускользнула из наших рук? На это даст правдивый ответ история...

Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г

Книга первая

Глава I. Смута и развал армии

Накануне переворота

После кровопролитных боев лета и осени 1916 года к зиме на большей части фронта операции затихли. Войска укрепляли с обеих сторон занятые ими рубежи, готовились к зимовке, налаживали тыл и пополняли убыль в людях, лошадях и материальной части за истекший боевой период.

Двухлетний тяжелый опыт войны не прошел даром: мы многому научились, а дорого обошедшиеся нам недочеты были учтены. Значительное число старших начальников, оказавшихся не подготовленными к ведению боя в современных условиях, вынуждены были оставить свои посты: жизнь выдвинула ряд способных военачальников. Однако протекционизм, свивший себе гнездо во всех отраслях русской жизни, по-прежнему сплошь и рядом выдвигал на командные посты лиц далеко не достойных. Шаблон, рутина, боязнь нарушить принцип старшинства все еще царили, особенно в высших штабах.

Состав армии за два года успел существенно измениться, выбыла большая часть кадровых офицеров и солдат, особенно в пехоте.

Новые офицеры ускоренных производств, не получившие воинского воспитания, чуждые военного духа, воспитателями солдат быть не могли. Они умели столь же красиво, как и кадровое офицерство, умирать за честь родины и родных знамен, но, оторванные от своих занятий и интересов, глубоко чуждых духу армии, с трудом переносили неизбежные лишения боевой жизни, ежеминутную опасность, голод, холод и грязь, они быстро падали духом, тяготились войной и совершенно неспособны были поднять и поддержать дух своих солдат.

Солдаты после 2 лет войны в значительной массе также были уже не те. Немногие оставшиеся в рядах старые солдаты, несмотря на все перенесенные тяготы и лишения, втянулись в условия боевой жизни; но остальная масса, те пополнения, которые беспрерывно вливались в войсковые части, несли с собой совсем иной дух. Состоя в значительной степени из запасных старших сроков, семейных, оторванных от своих хозяйств, успевших забыть пройденную ими когда-то школу, они неохотно шли на войну, мечтали о возвращении домой и жаждали мира. В последних боях сплошь и рядом наблюдались случаи «самострелов», пальцевые ранения с целью отправки в тыл стали особенно часты. Наиболее слабые по составу были третьоочередные дивизии.

Подготовка пополнений в тылу, обучение их в запасных частях стояли, в общем, весьма низко. Причин этому было много: неправильная постановка дела, теснота и необорудованность казарм, рассчитанных на значительно меньшее количество запасных кадров, а главное, отсутствие достаточного количества опытных и крепких духом офицеров и унтер-офицеров инструкторов. Последние набирались или из инвалидов, или из зеленой молодежи, которой самой надо было учиться военному делу. Особенно резко все эти недочеты сказывались в пехоте, где потери и убыль кадровых элементов были особенно велики.

Со всем этим армия все еще представляла собой грозную силу, дух ее был все еще силен, и дисциплина держалась крепко. Мне неизвестны случаи каких-либо беспорядков или массо-

вых выступлений в самой армии, и для того, чтобы они стали возможными, должно было быть уничтожено само понятие о власти и дан наглядный пример сверху возможности нарушить связывающую офицеров и солдат присягу.

Двухлетняя война не могла не расшатать нравственные устои армии. Нравы огрубели; чувство законности было в значительной мере утеряно. Постоянные реквизиции – неизбежное следствие каждой войны – поколебали понятие о собственности. Все это создавало благоприятную почву для разжигания в массах низменных страстей, но, повторяю, необходимо было, чтобы искра, зажегшая пожар, была бы брошена извне.

В этом отношении много старались те многочисленные элементы, которыми за последние месяцы войны обрастала армия, особенно в ближайшем тылу; «земгусары», призывного возраста и отличного здоровья, но питающие непреодолимое отвращение к свисту пуль или разрыву снаряда, с благосклонного покровительства и помощью оппозиционной общественности, заполнили собой всякие комитеты, имевшие целью то устройство каких-то читален, то осушение окопов. Все эти господа облакались во всевозможные формы, украшали себя шпорами и кокардами и втихомолку обрабатывали низы армии, главным образом прапорщиков, писарей, фельдшером и солдат технических войск из «интеллигенции».

Офицерство и главная масса солдат строевых частей, перед лицом смертельной опасности поглощенные мелочными заботами повседневной боевой жизни, почти лишенные газет, оставались чуждыми политике. Часть строевого офицерства лишь слабо отражала настроения, слухи и разговоры ближайших крупных штабов. Конечно, высший командный состав не мог оставаться безучастным к той волне общего политического недовольства и тревоги, которая грозно нарастала в тылу и, несомненно, грозила отразиться на нашем военном положении.

Становилось все более и более ясным, что там, в Петербурге, неблагополучно. Беспрепятственная смена министров, непрекращающиеся конфликты между правительством и Думой, все растущее количество петиций и обращений к Государю различных общественных организаций, требовавших общественного контроля, наконец, тревожные слухи о нравственном облике окружавших Государя лиц – все это не могло не волновать тех, кому дороги были Россия и армия.

Одни из старших начальников, глубоко любя родину и армию, жестоко страдали при виде роковых ошибок Государя, видели ту опасность, которая нарастала и, искренне заблуждаясь, верили в возможность «дворцового переворота» и «бескровной революции». Ярким сторонником такого взгляда являлся начальник Уссурийской конной дивизии генерал Крымов, в дивизии которого я в то время командовал 1-м Нерчинским казачьим Наследника Цесаревича полком. Выдающегося ума и сердца человек, один из самых талантливых офицеров Генерального штаба, которых приходилось мне встречать на своем пути, он последующей смертью своей и предсмертными словами: «я умираю потому, что слишком люблю родину», – доказал свой патриотизм. В неоднократных спорах со мною в длинные зимние вечера он доказывал мне, что так дальше продолжаться не может, что мы идем к гибели и что должны найтись люди, которые ныне же, не медля, устранили бы Государя «дворцовым переворотом»...

Другие начальники сознавали, что изменить положение вещей необходимо, но сознавали вместе с тем, что всякий переворот, всякое насильственное выступление в то время, когда страна ведет кровавую борьбу с внешним врагом, не может иметь места, что такой переворот не пройдет безболезненно и что это будет началом развала армии и гибели России.

Наконец, среди старшего командного состава было не малое число и «приемлющих революцию» в чаянии найти в ней удовлетворение для своего честолюбия или свести счеты с тем или другим негодным начальником. Я глубоко убежден, что ежели бы с первых часов смуты ставка и все командующие фронтами были бы тверды и единодушны, отрешившись от личных интересов, развал фронта, разложение армии и анархию в тылу можно было бы еще остановить.

* * *

Зима 1916 года застала меня командиром 1-го Нерчинского казачьего Наследника Цесаревича полка, входившего в состав Уссурийской копной дивизии генерала Крымова. Кроме моего в состав дивизии входили Приморский драгунский полк, который только что сдал старый его командир генерал Одинцов, оказавшийся впоследствии одним из видных генералов Красной армии, Уссурийский и Амурский казачьи полки. Уссурийская дивизия, составленная из сибирских уроженцев, отличных солдат, одинаково хорошо дерущихся как на коне, так и в пешем строю, под начальством генерала Крымова успела приобрести себе в армии заслуженную славу. Полк, которым я командовал уже более года, только что за блестящую атаку 22 августа в Лесистых Карпатах был награжден высоким отличием – Наследник Цесаревич был назначен шефом полка.

С отходом дивизии в армейский резерв, в Буковину, в район местечка Радауц, я должен был во главе депутации от полка отправиться в Петербург для представления молодому шефу. Депутация вела с собой маленького забайкальского коня отличных форм, который должен был быть подведен Наследнику, и везла с собой полную форму Нерчинского полка для поднесения Цесаревичу.

В состав депутации входили: старший полковник полка Маковкин – блестящий офицер, потерявший в течение войны глаз, кавалер Георгиевского оружия, отличный спортсмен, дважды бравший Императорский приз на Красносельских скачках; командир 3-й сотни, наиболее отличившейся в упомянутой атаке, есаул Кудрявцев и полковой адъютант сотник Влесков.

Выбрать офицеров в состав депутации было нелегко, всем хотелось удостоиться этой чести, да и общий состав офицеров был таков, что трудно было наметить наиболее достойных. Нерчинский казачий полк отличался и до войны прекрасным офицерским составом. Полком долго командовал полковник Павлов, б. лейб-гусар, оставивший родной полк в начале японской войны и после кампании продолжавший службу на Дальнем Востоке. В описываемое время генерал Павлов стоял во главе кавалерийского корпуса на Северном фронте. Блестящий офицер, выдающийся спортсмен и знаток лошади полковник Павлов сумел, командуя Нерчинским казачьим полком, в суровых условиях и на далекой окраине поднять полк на исключительную высоту. Горячий сторонник чистокровной лошади, полковник Павлов сумел акклиматизировать чистокровного коня и в суровом климате Сибири. Он посадил всех офицеров полка на чистокровных лошадей, завел офицерскую скаковую конюшню, и за последние перед войной годы ряд офицерских скачек на петроградском ипподроме был выигран офицерами полка на лошадях полковой конюшни. Высоко поддерживая уровень строевой службы, полковник Павлов требовал от офицеров и соответствующих моральных качеств, тщательно подбирая состав полка. Ко времени назначения моего командиром полка большинство старых офицеров были офицеры, начавшие службу при полковнике Павлове. Со своей стороны мне удалось привлечь в полк ряд прекрасных офицеров.

Большинство офицеров Уссурийской дивизии и, в частности, Нерчинского полка во время Гражданской войны оказались в рядах армии адмирала Колчака, собравшись вокруг атамана Семенова и генерала Унгерна. В описываемое мною время оба генерала, коим суждено было впоследствии играть видную роль в Гражданской войне, были в рядах Нерчинского полка, командуя 6-й и 5-й сотнями; оба в чине подьесаула.

Семенов, природный забайкальский казак, плотный коренастый брюнет с несколько бурятским типом лица, ко времени принятия мною полка состоял полковым адъютантом и в этой должности прослужил при мне месяца четыре, после чего был назначен командиром сотни. Бойкий, толковый, с характерной казацкой сметкой, отличный строевик, храбрый, особенно на глазах начальства, он умел быть весьма популярным среди казаков и офицеров. Отри-

пательными свойствами его были значительная склонность к интриге и неразборчивость в средствах для достижения цели. Неглупому и ловкому Семенову не хватало ни образования (он окончил с трудом военное училище), ни широкого кругозора, и я никогда не мог понять, каким образом мог он выдвинуться впоследствии на первый план Гражданской войны.

Подъесаул барон Унгерн-Штернберг, или подъесаул «барон», как звали его казаки, был тип несравненно более интересный.

Такие типы, созданные для войны и эпохи потрясений, с трудом могли ужиться в обстановке мирной полковой жизни. Обыкновенно, потерпев крушение, они переводились в пограничную стражу или забрасывались судьбою в какие-либо полки на Дальневосточную окраину или Закавказье, где обстановка давала удовлетворение их беспокойной натуре.

Из прекрасной дворянской семьи лифляндских помещиков, барон Унгерн с раннего детства оказался предоставленным самому себе. Его мать, овдовев, молодой вышла вторично замуж и, по-видимому, перестала интересоваться своим сыном. С детства мечтая о войне, путешествиях и приключениях, барон Унгерн с возникновением японской войны бросает корпус и зачисляется вольноопределяющимся в армейский пехотный полк, с которым рядовым проходит всю кампанию. Неоднократно раненный и награжденный солдатским Георгием, он возвращается в Россию и, устроенный родственниками в военное училище, с превеликим трудом кончает таковое.

Стремясь к приключениям и избегая обстановки мирной строевой службы, барон Унгерн из училища выходит в Амурский казачий полк, расположенный в Приамурье, но там остается недолго. Необузданный от природы, вспыльчивый и неуравновешенный, к тому же любящий запивать и буйный во хмелю, Унгерн затевает ссору с одним из сослуживцев и ударяет его. Оскорбленный шашкой ранит Унгерна в голову. След от этой раны остался у Унгерна на всю жизнь, постоянно вызывая сильнейшие головные боли и, несомненно, периодами отражаясь на его психике. Вследствие ссоры оба офицера вынуждены были оставить полк.

Возвращаясь в Россию, Унгерн решает путь от Владивостока до Харбина проделать верхом. Он оставляет полк верхом в сопровождении охотничьей собаки и с охотничьим ружьем за плечами. Живя охотой и продажей убитой дичи, Унгерн около года проводит в дебрях и степях Приамурья и Маньчжурии и наконец прибывает в Харбин. Возгоревшаяся Монголо-Китайская война застает его там.

Унгерн не может оставаться безучастным зрителем. Он предлагает свои услуги монголам и, предводительствуя монгольской конницей, сражается за независимость Монголии. С началом Русско-германской войны Унгерн поступает в Нерчинский полк и с места проявляет чудеса храбрости. Четыре раза в течение одного года он получает орден Св. Георгия, Георгиевское оружие и ко второму году войны представлен уже к чину есаула.

Среднего роста, блондин, с длинными, опущенными по углам рта рыжеватыми усами, худой и изможденный с виду, но железного здоровья и энергии, он живет войной. Это не офицер в общепринятом значении этого слова, ибо он не только совершенно не знает самых элементарных уставов и основных правил службы, но сплошь и рядом грешит и против внешней дисциплины, и против воинского воспитания – это тип партизана-любителя, охотника-слепопыта из романов Майн-Рида. Оборванный и грязный, он спит всегда на полу среди казаков сотни, ест из общего котла и, будучи воспитан в условиях культурного достатка, производит впечатление человека, совершенно от них отрешившегося. Тщетно пытался я пробудить в нем сознание необходимости принять хоть внешний офицерский облик.

В нем были какие-то странные противоречия: несомненный, оригинальный и острый ум и рядом с этим поразительное отсутствие культуры и узкий до чрезвычайности кругозор, поразительная застенчивость и даже дикость и рядом с этим безумный порыв и необузданная вспыльчивость, не знающая пределов расточительность и удивительное отсутствие самых элементарных требований комфорта.

Этот тип должен был найти свою стихию в условиях настоящей русской смуты. В течение этой смуты он не мог не быть хоть временно выброшенным на гребень волны, и с прекращением смуты он также неизбежно должен был исчезнуть.

* * *

Я выехал в Петербург в середине ноября; несколькими днями позже должны были выехать офицеры, входившие в состав депутации.

Последний раз я был в Петербурге около двух месяцев назад, когда приезжал лечиться после раны, полученной при атаке 22 августа. Общее настроение в столице еще ухудшилось со времени последнего моего посещения; во всех слоях общества чувствовались растерянность, сознание неизбежности в ближайшее время чего-то огромного и важного, к чему роковыми шагами шла Россия. В то же время, если в среде кругов, близких к Думе и Государственному Совету, среди так называемой «общественности» и была видимость какой-то напряженной работы, в сущности не шедшей дальше словопрений и политической борьбы, если в рабочей среде и в тыловых воинских частях и велась глухо более планомерная разрушительная работа, конечно, не без участия немецкого золота, то широкие слои населения проявляли обычную инертность, погрязши всецело в мелких заботах повседневной жизни. Также стояли хвосты у лавок, также полны были кинематографы и театры, те же серые обывательские разговоры слышались в толпе.

В верхах, близких к Государю и двору, по-видимому, продолжали не отдавать себе отчета в надвигающейся грозе. Высшее общество и высшая бюрократия были, казалось, всецело поглощены обычными «важными» вопросами, кто куда будет назначен, что говорится в партии Великого Князя или Императрицы... Светская жизнь шла своей обычной чередой, и казалось, что кругом меня не участники грядущей драмы, а посторонние зрители.

Через несколько дней после приезда я назначен был дежурным флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству. Мне много раз доводилось близко видеть Государя и говорить с Ним. На всех видевших Его вблизи Государь производил впечатление чрезвычайной простоты и неизменного доброжелательства. Это впечатление являлось следствием отличительных черт характера Государя – прекрасного воспитания и чрезвычайного умения владеть собой.

Ум Государя был быстрый, Он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память его была совершенно исключительная. Он не только отлично запоминал события, но и лица, и карту; как-то, говоря о Карпатских боях, где я участвовал со своим полком, Государь вспомнил совершенно точно, в каких пунктах находилась моя дивизия в тот или иной день. При этом бои эти происходили месяца за полтора до разговора моего с Государем, и участок, занятый дивизией, на общем фронте армии имел совершенно второстепенное значение.

Я вступил в дежурство в Царском Селе в субботу, сменив флигель-адъютанта герцога Николая Лейхтенбергского. Государь в этот день завтракал у Императрицы. Мне подан был завтрак в дежурную комнату. После завтрака Государь гулял, а затем принял нескольких лиц, сколько я помню, вновь назначенного министром здравоохранения профессора Рейна и министра финансов Барка.

Обедали на половине Императрицы. Кроме меня, посторонних никого не было, и я обедал и провел вечер один в Семье Государя. Государь был весел и оживлен, подробно расспрашивал меня о полку, о последней блестящей атаке полка в Карпатах. Разговор велся частью на русском, частью, в тех случаях, когда Императрица принимала в нем участие, на французском языке. Я был поражен болезненным видом Императрицы. Она значительно осунулась за последние два месяца, что я Ее не видел. Ярко выступали красные пятна на лице. Особенно поразило меня болезненное и как бы отсутствующее выражение ее глаз. Императрица главным

образом интересовалась организацией медицинской помощи в частях, подробно расспрашивала о новом типе только что введенных противогазов. Великие Княжны и Наследник были веселы, шутили и смеялись. Наследник, недавно назначенный шефом полка, несколько раз задавал мне вопросы – какие в полку лошади, какая форма... После обеда перешли в гостиную Императрицы, где пили кофе и присидели еще часа полтора.

На другой день, в воскресенье, я сопровождал Государя, Императрицу и Великих Княжон в церковь, где они присутствовали на обедне. Маленькая, расписанная в древнерусском стиле церковь была полна молящихся. Видя, как молится Царская Семья, я невольно сравнивал спокойное, полное глубокого религиозного настроения лицо Государя с напряженным, болезненно экзальтированным выражением Императрицы. По возвращении из церкви я застал уже во дворце прибывшего сменить меня флигель-адъютанта графа Кутайсова.

26 ноября, в день праздника кавалеров ордена Св. Георгия, все кавалеры Георгиевского креста и Георгиевского оружия были приглашены в Народный дом, где должен был быть отслужен в присутствии Государя торжественный молебен и предложен обед всем Георгиевским кавалерам. Имея орден Св. Георгия и Георгиевское оружие, я был среди присутствующих.

Громадное число Георгиевских кавалеров, офицеров и солдат, находившихся в это время в Петрограде, заполнили театральный зал дома. Среди них было много раненых. Доставленные из лазаретов тяжелораненые располагались на сцене на носилках. Свита и приглашенные стояли в партере вплотную к сцене. Вскоре прибыл Государь с Императрицей. По отслужении молебна генерал-адъютант принц Александр Петрович Ольденбургский взошел на сцену, поднял чарку и провозгласил здравицу Государю Императору и Августейшей Семье. Государь Император выпил чарку и провозгласил «ура» в честь Георгиевских кавалеров, после чего Он и Императрица обходили раненых, беседуя с ними. Я вновь, наблюдая за Императрицей, беседовавшей, наклонившись над носилками тяжелораненого, обратил внимание на болезненное выражение ее лица. Она, внимательно расспрашивая больного, в то же время, казалось, отсутствовала где-то. Видимо, выполняя что-то обязательное и неизбежное. Она мыслями была далеко.

Наконец прибыли в Петербург офицеры депутации. Представление было назначено в Царском днем 4 декабря перед самым назначенным в этот день отъездом Государя в ставку.

Отправив утром предназначенную быть подведенной Наследнику лошадь, посаженную маленьким казачьим седлом, я выехал с депутацией по железной дороге, везя заказанную для Наследника форму полка. Поезд наш должен был прибыть в Царское за полчаса до назначенного для представления Государю депутации часа, и я рассчитывал, что успею до представления депутации доложить Государю о моих офицерах, дабы Государю легко было задавать вопросы представляющимся.

Вследствие какой-то неисправности пути поезд наш опоздал, и мы едва успели, сев в высланные за нами кареты, прибыть к назначенному часу во дворец. Встреченные дежурным флигель-адъютантом, мы только что вошли в зал, как Государь в сопровождении Наследника вышел к нам. Я представил Государю офицеров, и сверх моего ожидания Государь совершенно свободно, точно давно их знал, каждому задал несколько вопросов; полковника Маковкина Он спросил, в котором году он взял Императорский приз; есаулу Кудрявцеву сказал, что знает, как он во главе сотни 22 августа первым ворвался в окопы противника... Я лишний раз убедился, какой острой памятью обладал Государь, – во время последнего моего дежурства я вскользь упомянул об этих офицерах, и этого было достаточно, чтобы Государь запомнил эти подробности.

После представления Государь с Наследником вышли на крыльцо, где осматривали подведенного депутацией коня. Тут же на крыльце Царскосельского дворца Государь с Наследником снялся в группе с депутацией.

Это, вероятно, одно из последних изображений Государя во время Его царствования, и это последний раз, что я видел Русского Царя.

На Румынском фронте

Накануне представления Государю депутации я получил телеграмму от генерала Крымова с сообщением о переброске Уссурийской конной дивизии в Румынию и приказание немедленно прибыть в армию всем офицерам и солдатам дивизии, находящимся в командировках и отпусках.

На другой день после представления депутации я, собрав моих офицеров и казаков, находившихся в Петербурге по разного рода причинам, выехал на фронт. По дороге к нам присоединились еще несколько офицеров и казаков, вызванных из отпусков или командировок и следовавших в армию.

До границы Румынии мы ехали беспрепятственно, но уже на самой границе стало ясно, что добраться до дивизии будет не так-то легко. Поспешная и беспорядочная эвакуация забила поездными составами все пути. Румынские войска продолжали на всем фронте отходить, и новые и новые поездные составы с ранеными, беженцами и войсковыми грузами непрерывно прибывали, все более и более загромождая тыл. Пассажирское движение было приостановлено, в сутки отправлялся к югу лишь один пассажирский поезд, целыми часами простаивавший на всех станциях. Здесь впервые увидел я ставшее впоследствии столь обыкновенным путешествие на крышах вагонов. Не только крыши вагонов, но и буфера и паровозы были облеплены пассажирами. Со мной было человек шесть офицеров и человек двадцать солдат. Я решил обратиться к румынскому коменданту, оказавшемуся чрезвычайно любезным офицером, отлично говорившим по-французски (вообще французский язык широко распространен в Румынии). После каких-то переговоров по аппарату с Яссами он любезно предоставил в мое распоряжение два вагона, из коих один II класса для офицеров, другой III класса для солдат.

Прицепляясь к следовавшим на юг эшелонам мы, хотя и весьма медленно, стали продвигаться к фронту. Буфеты на станциях оказались совершенно пустыми, все было съедено, в нетопленных вагонах холод был неописуемый, и мы считали часы, когда наконец окончится наш тяжелый путь. На станции Бырлат мы узнали, что через полчаса в направлении на станцию Текучи (я уже знал, что в этом пункте стоят обозы дивизии) идет пассажирский экспресс. Комендант станции обещал мне прицепить мои вагоны к поезду и пригласил пока к себе обогреться и выпить чаю. Я просил прицепить мои вагоны непосредственно за паровозом, дабы возможно быстро прогреть их, что он и обещал сделать. Однако по какому-то недоразумению вагон, в котором я следовал с офицерами, оказался прицепленным в хвост поезда. Это спасло нам жизнь. Не доходя 15 верст до станции Текучи, экспресс наш на шестидесятиверстной скорости врезался в следовавший на север эшелон. Четырнадцать передних вагонов было разбито в щепы, и несколько сот человек было убито и ранено. Наш вагон оказался висевшим над насыпью и все мы попадали с наших мест; однако никто не пострадал. Трудно передать жуткую картину; в полной темноте из-под обломков вагонов неслись крики, стоны и плач. Некоторые вагоны загорелись, и много несчастных раненых погибло в огне.

Оставив при вещах двух казаков, мы пешком дошли до станции Текучи, откуда, разыскав наш обоз, выслали за багажом. В тот же день я на автомобиле с адъютантом выехал на Фокшаны по ужасному, разбитому непрерывным движением обозов и распутицей шоссе.

Мы двигались едва ли со скоростью 4–5 верст в час; шоссе и вся местность по сторонам его были покрыты тянущимися на север обозами, толпами жителей и оборванными, большей частью без винтовок, солдатами. Я увидел характерный отход разбитой и стихийно отступавшей армии. Вперемешку с лазаретными линейками, зарядными ящиками и орудиями следо-

вали коляски, тележки с женщинами и детьми среди гор свертков, коробок и всякого домашнего скарба.

Не могу забыть элегантного ландо с двумя отлично одетыми румынскими офицерами и несколькими нарядными дамами, запряженного уносными артиллерийскими конями в артиллерийском уборе...

Поздней ночью я встретил дивизию, отходившую на линию реки Серета. Мы простояли несколько дней на этой линии, а затем, смененные пехотой, усиленными переходами перешли в район Галаца, где сосредоточивалась крупная масса конницы, объединить которую должен был генерал от кавалерии граф Келлер. На нашем крайнем левом фланге шли жестокие бои, намечался прорыв нашей пехотой неприятельского фронта, и конницу нашу предполагалось бросить в тыл Макензену. Прорыв не удался, и, напрасно простояв сутки под открытым небом, под проливным дождем, конница вновь была оттянута в тыл. Наша дивизия отошла в район Текучи-Бырлат.

Как-то на одном из переходов во время привала ко мне прибыл от генерала Крымова, шедшего в головном полку, ординарец и передал мне, что начальник дивизии просит меня к себе. Подъехав к голове колонны, я увидел группу офицеров штаба дивизии, гревшихся вокруг костра и разбиравших только что привезенную почту. Генерал Крымов, держа в руке несколько скомканных газет, нетерпеливыми большими шагами ходил в стороне. Увидев меня, он еще издала, размахивая газетами, закричал мне: «Наконец-то подлеца Гришку ухлопали...»

В газетах был ряд сведений об убийстве Распутина. Прибывшие одновременно письма давали подробности.

Из трех участников убийства я близко знал двух – Великого Князя Дмитрия Павловича и князя Ф.Ф. Юсупова.

Какие чувства руководили ими? Почему, истребив вредного для Отечества человека, они не объявили об этом громко, не отдали себя на суд властей и общества, а, бросив в прорубь труп, пытались скрыть следы? Трудно верилось полученным сообщениям...

10-го января я получил известие о состоявшемся назначении моем командиром 1-й бригады Уссурийской конной дивизии, в состав которой входили Приморский драгунский и мой Нерчинский казачьи полки. Грустно было расставаться с полком, которым я командовал более 14 месяцев, с которым делил и тягости боевой жизни, и ряд славных побед. Полк принимал старший полковник полка Маковкин, о назначении которого моим заместителем я еще в Петербурге просил Государя и Походного Атамана Великого Князя Бориса Владимировича.

Сдав полк, я, воспользовавшись нахождением дивизии в армейском резерве, поехал на несколько дней в Яссы.

Я остановился в Яссах у посланника нашего А.А. Мосолова, однополчанина моего по Конной Гвардии. Квартиру в Яссах почти невозможно было найти, город был забит массой беженцев и тыловых армейских учреждений. Ожидался приезд Великой Княгини Виктории Федоровны, сестры Королевы.

Не будучи близок к Великой Княгине, я не считал нужным ей представиться. Однако в день ее приезда ко мне заехал заведующий двором Великой Княгини Гартунг и передал приглашение Великой Княгини на другой день в 10 часов утра прибыть к ней во дворец Королевы, где она остановилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.